

КЕРРИГАН БЕРН

Мой беспощадный лорд



ШАРМ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн

Мой беспощадный лорд

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Берн К.

Мой беспощадный лорд / К. Берн — «Издательство АСТ»,
2020 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-134185-5

Можно ли любить мужчину – и одновременно вести с ним хитрую игру? Можно ли любить женщину – и одновременно пытаться ее уничтожить? Известный королевский судья Кассиус Джерард Рамзи расследует дела о многочисленных преступлениях и скандалах, связанных с лондонским игорным бизнесом, которым владеет светская дама... Сесилия Тиг, тайно управляющая этим бизнесом, – одна из самых интригующих и желанных женщин, которых он когда-либо встречал. Но что же случится, если Кассиус узнает, что красавица, ради которой он готов отдать жизнь, и мошенница, которую он должен разоблачить, – одна и та же женщина?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134185-5

© Берн К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Керриган Берн

Мой беспощадный лорд

Kerrigan Byrne
ALL SCOT AND BOTHERED

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Publishing Group и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «Шарм» основана в 1994 году

© Kerrigan Byrne, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

*Аббатство Дрейтон,
Шропшир, Англия
1876 год*

По расчетам Сесилии Тиг, подходил к концу второй день ее заключения.

Она не могла припомнить, когда отец в последний раз запирали ее в «зеленой» комнате подвала так надолго.

Возможно, он все-таки сошел с ума?

Откроет ли он еще когда-нибудь эту дверь?

Забудет ли мир о ее существовании?

Все эти вопросы кружили над ней, как стервятники над свежим трупом.

Сесилия не сделала ничего плохого или греховного. Ничего, что заслуживало бы такого жестокого отношения ее соучеников и благочестивой ярости отца.

Она всего лишь была первой тринадцатилетней девочкой, которая превзошла всех в деревенской школе в математике, даже выпускников. Когда учитель мистер Ролланд обвинил Сесилию в обмане, указав на ее возраст и пол, она напомнила всем, что современный учебник по дифференциальному и интегральному исчислению написала Мария Гаэтана Анъези.

Тогда мистер Ролланд поставил Сесилию в угол, где она стояла, пока не заболели ноги, а лицо стало пунцовым от унижения.

Томас Уингейт, сын мясника, поймал ее во время ленча, прижал к стене, приблизил свою костлявую красную физиономию к ее лицу и обозвал девятью нехорошими словами, после чего сорвал с нее очки и втоптал их в грязь. Потом он плюнул в нее, толкнул животом на поваленное дерево и продемонстрировал ее панталоны всем мальчишкам из своей свиты. Те долго свистели и улюлюкали.

Сесилия была испугана и унижена, но не пролила ни одной слезинки, и тогда мистер Ролланд заявил, что отправится прямо к ее отцу, викарию Джосаюе Тигу.

Угроза эта была адресована мальчишкам.

Однако, как и предвидела Сесилия, именно ей пришлось заплатить за их грехи.

Потому что в глазах ее отца грех лежал именно на ней.

Первородный грех.

Она родилась девочкой.

Когда преподобный Тиг вел дочь в «зеленую» комнату, он шипел ей на ухо свой обычный перечень обвинений, не обращая ни малейшего внимания на ее возражения.

– Ты, так же как и твоя распутная мать, позволяешь каждому ничтожеству задирать тебе юбки. Я скорее придушу тебя собственными руками, чем позволю, чтобы ты стала блудницей. – Отец грубо затолкал ее в дверь подвала, и она, не удержавшись на ногах, скатилась по лестнице, тяжело рухнув на грязный пол. Его губы раздвинулись в презрительной улыбке-гримасе, обнажившей пожелтевшие зубы. – А я-то считал, что ты слишком жирная, чтобы привлечь похотливые взгляды мужчин.

– Я ничего не сделала! – закричала Сесилия, не обращая внимания на боль в ушибленных коленках. Она встала и сложила перед грудью ладони, словно в молитве. – Пожалуйста, поверь мне! Я бы никогда...

– Ты теперь *женщина!* – Последнее слово отец выплюнул с видимым отвращением и утер рот тыльной стороной ладони, словно желая стереть его отвратительные следы со своих губ. – Нет такого понятия, как невинная женщина. Ты искушала этих мальчиков, ввела их во грех, и за это должна понести наказание.

На все возражения дочери викарий, как обычно, не обратил внимания и с грохотом захлопнул дверь, оставив ее в полутьме.

Сесилия села на земляной пол в углу. Она уже стала привыкать ко все более частым наказаниям. У нее был при себе учебник, а значит, имелась возможность как-то скоротать время, хотя она почти ничего не видела. Хорошо, что Сесилия успела спрятать его под одеждой до того, как отец вбежал на школьный двор.

Она не чувствовала паники, пока не прошел день, затем – ночь и еще один день. Но потом закончилась вода, и ей стало страшно.

Сначала Сесилия барабанила кулаками в дверь, но добилась лишь того, что заболели руки. Тогда она навалилась на дверь всем своим весом, отнюдь не малым, но тоже ничего из этого не вышло.

Девочка стала кричать в замочную скважину, словно осужденный на казнь в последнюю ночь своей жизни. Сесилия клялась, что будет хорошей, обещала вести себя безупречно. Она была готова на все – только бы смягчить сердце отца... или Бога. Даже призналась в грехах, которых никогда не совершала, надеясь, что мнимая искренность и раскаяние помогут ей обрести свободу.

– Прошу тебя, папа, пожалуйста, выпусти меня, – рыдала Сесилия, вглядываясь в тень его ног, показавшихся в полоске света под дверью. – Молю тебя, не оставляй меня здесь одну, ведь здесь совсем темно...

– Ты была зачата во тьме, дитя, и вернешься в вечную тьму. – Голос отца был громок и суров; казалось, он читал проповедь с кафедры. – Молись и думай об этом.

Тени его ног исчезли, и Сесилия упала на колени, пытаясь ухватить кончиками пальцев последние пятнышки света от фонаря, который отец уносил с собой.

Девочка улеглась у двери, свернувшись в клубок, словно собака, ожидающая возвращения хозяина. Вжалась щекой в грязный пол, вглядываясь в щель под дверью, чтобы сразу увидеть свет, когда он там появится.

«Зачата во тьме»? Что он имел в виду? И в чем ее вина?

Сесилия называла свою тюрьму «зеленой» комнатой, потому что зеленый мох, покрывавший влажные каменные стены подвала, был единственным цветным куском, который можно было обнаружить в этом помещении их убогого жилища. Кто-то из прошлых викариев, имевший слишком большую для двухкомнатного домика семью, переделал часть подвала в дополнительную спальню, точнее, туда были втиснуты узкая койка и сундук.

Летом Сесилия бы открыла окно, чтобы погреться в проникавших сюда скудных лучах солнца – все-таки какое-то удовольствие. Впрочем, как-то раз перед окном неожиданно возникли ботинки преподобного Тига, которыми он швырнул в подвал комья земли, осыпав ее с головы до ног.

Девочка молила его не закрывать окно снаружи, не лишать ее единственного источника света.

– Я не убегу, – клятвенно обещала Сесилия.

– А я и не боюсь, что ты сбежишь, – злобно усмехнулся преподобный Тиг. – Все равно не пролезешь в такое маленькое окно. Слишком уж ты жирная.

И тогда Сесилия впервые возненавидела свое тело, его размеры и форму. Будь она тоненькая, словно тростинка, ей бы удалось выбраться через маленькое окно и ускользнуть в ночь.

Впрочем, девочка не очень к этому стремилась, так как боялась темноты...

Да и идти ей было некуда.

С годами Сесилия привыкла к «зеленой» комнате. Демоны и чудовища, которых рисовало ей воображение, никогда на нее не нападали. А пауки и другие вполне реальные обитатели темноты только тихо шуршали, не причиняя ей зла.

Писк мышей и прочих грызунов со временем стал звучать для нее сладкой музыкой. Это все же лучше, чем ужасная тишина.

Сесилия не переставала удивляться тому, как легко ей удавалось приспосабливаться к любым лишениям. Она уже почти не замечала голода и жажды, а также неприятного запаха нежилой непроветриваемой комнаты и собственного немытого тела.

Однажды, когда отца не была дома – он отправился куда-то читать проповедь, – Сесилия принесла в «зеленую» комнату одеяло и теперь с удовольствием завернулась в него, пытаясь согреться.

Девочка прислонилась к стене, придерживая обеими руками одеяло и представляя, что ее руки, прижатые к груди, это на самом деле руки мужчины, обнимающие так, как никто и никогда не обнимал, а холодные камни – сильная и твердая мужская грудь. Грудь мужчины-защитника, который никогда не бросит ее одну ночью, не заставит в одиночку сражаться с темнотой.

С возрастом детские страхи постепенно исчезали – все, кроме одного.

В абсолютной тьме под землей в «зеленую» комнату вползало что-то более коварное, чем привидение, более безжалостное, чем голод и жажда, более отвратительное, чем любая грязь, более ядовитое, чем самая страшная змея.

То было одиночество.

Сесилия находилась одна в огромном мире, безусловно, правильном, но несовершенном. И то, что начиналось, как скука, в уединении, постепенно стало бездной тишины внутри нее, развернувшейся пропастью пустоты, которую ничто не могло заполнить.

Потому что даже в то время, когда девочка была свободна, «зеленая» комната оставалась поблизости, ожидая ее следующего проступка, какой-нибудь случайной оплошности...

Ожидание – ведь скоро Сесилию в очередной раз низвергнут в ад – казалось ничуть не менее мучительным, чем бесчисленные часы, которые она провела в «зеленой» комнате.

Сесилия постоянно молилась, как и приказывал отец, но даже не вспоминала о тех молитвах, которые преподобный Тиг заставлял ее заучивать.

Каждую ночь девочка опускалась на колени перед холодным осуждающим Богом и с жаром паломника молила только об одном – чтобы кто-нибудь вызволил ее из серовато-зеленого ада, в котором она жила.

На этот раз Сесилия молилась очень долго, пока сухой язык не прилип к такому же пересохшему небу. Даже слезы высохли. Живот же был совершенно пустым и только периодически

сжимался. Прошло уже два дня, и у бедняжки не оставалось сил, чтобы сидеть; она лежала, привалившись к стене и плотно завернувшись в одеяло.

«Судя по всему, на этот раз отец не намерен меня выпускать».

Эта мысль раскрыла в ее душе бездну отчаяния. В душе, где было светло и где жил Бог.

Ржавые петли скрипнули, когда открылось окно. И викарий с нехарактерной для него поспешностью опустил на земляной пол ведро с водой. Сесилия с трудом села, опираясь на дрожащие руки.

– Попей и помойся, – рявкнул он. – Но если ты издашь хотя бы один звук, пока они будут здесь, то никогда больше не выйдешь из этого подвала. Ты меня поняла, девчонка?

Отец не стал ждать ее ответа: захлопнул окно и даже не потрудился его запереть.

Несколько мгновений потрясенная Сесилия сидела неподвижно. Потом, встрепенувшись, бросилась к ведру. Не обращая внимания на грязь на руках, девочка погрузила руки в воду и стала с жадностью пить, черпая ее горстями. Не в силах утолить жажду, она поднесла ведро к губам и принялась пить прямо из него.

Наверху послышались шаги. Но то были не тяжелые шаги отца.

Они были наверху. Но кто так сильно встревожил ее отца?

Тихо поставив ведро на пол, Сесилия поднялась по ступенькам и скорчилась у двери, надеясь что-нибудь услышать через щель.

– Где вы ее держите, преподобный? – спросил незнакомый женский голос. Женщина говорила с акцентом, который Сесилия не могла узнать, даже если бы ее разум не был затуманен голодом.

Она прижала ладонь к прохладному дереву двери. Неужели *они* ищут ее? Неужели ее молитвы услышаны?

– Местонахождение моей дочери не касается блудницы.

Подобное определение никак не помогло опознать эту женщину. Для преподобного Тига каждая дочь Евы была тайной проституткой.

– Не блудницы, а деловой женщины. – Даме хватило смелости возражать ее отцу? Сесилия вся обратилась в слух. – Меня предупредили, что вы – лицемерный шарлатан. Вы взираете на нас, женщин, с высоты своего ханжеского величия, вы якобы молитесь и сочувствуете нам. Одновременно вы обвиняете и унижаете нас, не понимая, что все мы только смеемся над жалким, маленьким и совершенно бесполезным отростком, который болтается у вас между ног.

– Как ты смеешь?.. – У викария перехватило дыхание, словно он получил удар в живот.

– О, Гортензия рассказала нам о вашей импотенции, – спокойно продолжила женщина. – Нам отлично известно, что вы не являетесь отцом этого ребенка.

Гортензия... Ее мать...

Услышав это откровение, Сесилия, вероятно, на какое-то время лишилась чувств, потому что внезапно вдруг обнаружила, что ее прижимала к пышной груди совершенно незнакомая женщина.

– Боже правый, детка, – проворковала она. – Сколько этот старый негодяй продержал тебя в подвале?

– Я... – Испуганная и ничего не понимающая, Сесилия подняла глаза и увидела рвавшегося к ней разъяренного отца, которого удерживал мужчина значительно ниже его ростом, но очень широкий, так что его коренастая фигура заполняла весь дверной проем.

Девочка все осознала, когда встретила взгляд отца. Его глаза были черными, такими же, как волосы, как его душа.

Нет... это был не ее отец. Викарий был очень высокий, худой и угловатый, с длинным носом и выдающимся подбородком.

Когда Сесилия рассматривала в зеркале свои мягкие округлые черты, она никогда не находила ни малейшего сходства с отцом. И теперь девочка точно знала, почему.

Она не его дочь.
«Слава богу».

К глазам подступили слезы, и она нерешительно взглянула на свою спасительницу – самую красивую женщину, какою ей только доводилось видеть.

Темно-золотистое платье незнакомки мерцало в тусклом свете. Ее кожа и волосы были неправдоподобно светлыми, глаза – темными, а губы – такого же оттенка, как лилии на школьном дворе. Сущий ангел.

Женщина имела округлые формы, как и у Сесилии, и от нее, казалось, исходило удивительное сияние, словно вся она была наполнена светом.

– Сесилия, дорогая, меня зовут Женестьева Лео. Друзья называют меня Дженни. Помоему, нам ничего не мешает быть друзьями. Ты согласна?

По щеке девочки скатилась слеза. У нее еще никогда не было друзей.

Завороженная, Сесилия подняла руку: она хотела тронуть кончиком пальца щеку женщины, но тотчас же отдернула ее, сообразив, что руки у нее очень грязные. Она не хотела испачкать свою спасительницу – так же, как не позволила бы себе прикоснуться нечистыми пальцами к изображению Моны Лизы.

– Не оставляйте меня здесь. – Слова эти, казалось, резанули по горлу ржавым железом, но смолчать Сесилия не смогла.

– О, милая, ты больше не останешься ни на минуту в этом ужасном доме. Ты сможешь идти?

Сесилия молча кивнула. И тут же, покачнувшись, уткнулась лицом в грудь женщины.

– Пойдем, дорогая. – Женестьева твердой рукой обняла девочку и повела по ступенькам наверх. А молчаливый спутник женщины уверенно оттеснил викария в сторону.

– О боже! – громко воскликнула Женестьева. – Не обижайся, дорогая, но, как говорит моя бабушка в Луизиане, от тебя воняет так, что даже лесной хорек при встрече с тобой обратился бы в бегство.

Чувствуя ужасное головокружение, Сесилия шла рядом с женщиной, вернее, машинально переставляла ноги. Слова же доносились до нее словно издалека. Девочка не мылась почти три дня, и ей было ужасно стыдно.

Чтобы забыть об унижении, Сесилия стала вспоминать жизнь, которую оставляла за спиной. Маленький столик, за которым они молча ели скудную пищу... Причем отец упрекал ее за каждый съеденный кусок. Обшарпанная гостиная, всегда пустая, с постоянно холодным очагом, хотя за окном был уже промозглый дождливый октябрь. В доме не было никаких книг, кроме Библии и других канонических текстов, которые она читала при тусклом свете свечи, пока не начинали болеть глаза.

– Мой священный долг – спасти девочку от грехов ее матери! – завизжал преподобный Тиг. Сесилия посмотрела на него, но не смогла различить в полумраке его черты: он стоял в тени, в дальнем углу комнаты. – Немногие мужчины согласились бы растить девчонку, прижившую ее матерью на стороне. Помни об этом, Сесилия, когда у тебя появится искушение совершить распутное и безнравственное деяние, как все эти падшие развратные женщины. Я хотел спасти твою душу. И я все еще могу ее спасти.

– Хватит болтать эту высокопарную чушь! – Дженни поморщилась и на всякий случай подтолкнула Сесилию себе за спину. А ее спутник бесцеремонно усадил викария за стол. – Хочешь верь, хочешь нет, но в моем доме больше и искреннее почитают Господа, чем в твоём. – Дженни повернулась к девочке, наклонилась к ней и подмигнула. – Сейчас ты, конечно, не похожа на фарфоровую куклу, малышка, но я не сомневаюсь, что ты станешь очень хорошенькой.

– Спасибо, мисс Лео. – Сесилия вспыхнула.

– Мисс Лео! Ты слышал, Векслер? – Дженни весело рассмеялась.

Ее спутник, однако же, не смеялся. И по-прежнему молча нависал над преподобным Тигом.

Украдкой смахнув непрошенную слезу, женщина снова наклонилась к Сесилии:

– Ты должна называть меня Дженни, слышишь? Мы же теперь друзья, не так ли?

Сесилия кивнула и покосилась на мужчину, который не был ее отцом. Ей предстояло запомнить его именно таким – размытым пятном красного лица. Увы, ее очки остались втоптаннными в грязь на школьном дворе.

Ну и ладно. Сесилия и так знала, какое выражение на лице преподобного Тига.

– У тебя есть другое платье, девочка? Из этого ты выросла. Выросла... я бы сказала, как минимум год назад.

– Она не должна поддаваться греху тщеславия! – прошипел викарий. Его черты были искажены бессильной яростью и страхом, физиономия же из пунцовой превратилась в лиловую. – Она слабовольная и удивительно прожорливая девица. Вы только посмотрите. Я старался, как мог, но она все равно воровала еду среди ночи, и никакие наказания не могли отучить ее от этой пагубной привычки. И я вовсе не обязан покупать ей новую одежду, если девочка так быстро вырастает из тщательно подобранных для нее старых платьев.

– Извини, дорогая, я на минуту тебя оставлю. – Дженни стремительно прошагала мимо Векслера и, размахнувшись, ударила Джосайю Тига по перекошенной от злости физиономии. Удар был очень сильным. Преподобный едва не свалился со стула.

Дико вскрикнув, викарий вскочил на ноги, но его тут же водворил обратно Векслер, по-прежнему невозмутимый.

Дженни же накинула на плечи девочки роскошный подбитый мехом плащ и повела к экипажу, стоявшему у входной двери.

Векслер остался в доме, и Сесилия, собравшись с духом, отдернула занавеску экипажа и с тревогой уставилась на дверь.

– Не волнуйся, дорогая. Твоя хорошенькая рыжая головка должна быть занята совсем другими вещами. Викарий просто должен подписать кое-какие бумаги.

Сесилия промолчала, а Дженни, улыбнувшись, сказала:

– Расскажи мне о себе, малышка. Чем ты увлекаешься? Чему тебя научили, кроме молитв, разумеется?

Сесилия достала блокнот, который всегда прятала под платьем, и робко протянула его женщине.

Дженни несколько мгновений молча взирала на блокнот, потом взяла его двумя пальцами и осторожно раскрыла, словно ожидала увидеть там засушенное между страницами чудовище.

Сесилия затаила дыхание. А Дженни перевернула сначала одну страницу, потом другую, затем стала быстро листать их. Закончив, она подняла на девочку сияющие глаза.

– Мне никто не говорил, что ты художница, малышка.

Сесилия наморщила лоб. Никакая она не художница. И не поэтесса. Она всего лишь пыталась занять чем-то время, сидя под замком.

Взяв блокнот, который ей вернула Дженни, девочка тоже раскрыла его. Экспоненты и теоремы... Пределы и производные... Формулы, функции и соответствующие графики...

Подняв глаза, она увидела сияющую улыбку Дженни – та продемонстрировала ослепительно белые зубы.

– Ты, безусловно, возьмешь это с собой туда, куда мы едем, верно?

Сесилия кивнула, боясь задать мучавший ее вопрос. Она поплотнее закуталась в плащ, тщетно пытаясь разобраться в буре охвативших ее эмоций. Что она чувствовала? Опасения? Грусть? Радость? Облегчение? Вероятно, всего понемногу. Но главное, она была голодна.

Тут из дома вышел Векслер.

– Лично я умираю от голода, – заявила Дженни – похоже, она умела читать чужие мысли. – Думаю, мы остановимся на ночь на местном постоялом дворе, и ты сможешь поесть и вымыться. Я слышала, там подают чудесные маленькие пирожные с...

– О, мне нельзя есть пирожные, – с грустью сообщила Сесилия. – Потворствовать своим желаниям – большой грех.

Дженни подалась к девочке и крепко сжала ее руки. Глаза же Женевиэвы потемнели от злости. Она потрянула головой и, досадливо поморщившись, заявила:

– Послушай меня, дорогая. Ты должна выбросить из головы все мысли о грехе и воздержании. Твоя жизнь принадлежит только тебе одной. Отныне и впредь, если ты захочешь пирожных, то будешь их есть. И будешь одеваться в платья тех цветов и фасонов, которые тебе нравятся. И конечно же, заниматься тем, чем пожелаешь. Сесилия, ты не должна ни в чем себе отказывать, равно как и испытывать страх и стыд. Ты такая, какая есть. И ты очень красивая девочка.

От такой доброты, с которой Сесилии никогда не приходилось сталкиваться, ее глаза наполнились слезами.

– Но ведь я некрасивая. Я жирная...

Дженни на какое-то время задумалась, закусив губу. Потом проговорила:

– Милая, некоторые люди могут тебе такое сказать, но ты не должна из-за этого огорчаться, потому что... В общем, запомни мои слова. И поверь, я знаю, что говорю. Когда вырастешь, ты сможешь делать с мужчинами все, что захочешь. Они всегда будут у твоих ног, станут ловить каждое твое слово, каждый взгляд. У тебя такие глаза, губы, волосы и кожа... – Дженни отодвинулась, достала веер и обмахнулась, словно ей вдруг стало жарко. Немного помолчав, она продолжила: – Ты станешь женщиной, с которой будут считаться очень многие. Разумеется, есть и всегда будут те, кто предпочитает худеньких, с тонкими талиями. И еще ты увидишь, что некоторые мужчины не выносят умных женщин, имеющих мозги, которых нет у них самих. Умные женщины их пугают. Но, дорогая, ты будешь обладать властью, которой еще не понимаешь. Сможешь пленять, контролировать и *уничтожать* мужчин.

Сесилия прикусила губу. Слова Дженни ее ошеломили, и у нее даже закружилась голова.

– Я не хочу никого уничтожать. – Да и брать в плен кого-либо у нее не было особого желания. Тем более после всего, что ей самой пришлось вынести...

Дженни едва заметно улыбнулась. Откинув упавшую на лицо девочки прядь волос, она тихо сказала:

– Мне говорили, что ты такая же добрая, как твоя мама.

– Вы знали мою маму?! – встrepенулась Сесилия. Ей сразу захотелось задать множество вопросов.

– Я видела ее однажды, когда она приезжала, – уклончиво ответила Дженни.

– Куда приезжала?

– Давай лучше подумаем о пирожных. – Дженни постучала в потолок экипажа, и тот тронулся с места. – После сытного ужина, горячей ванны и хорошего отдыха мы купим тебе несколько платьев любого цвета, какого захочешь. Тебе больше никогда не придется думать о деньгах, разве это не чудесно? В твоём распоряжении – целое состояние, потому что ты стала наследницей очень влиятельного человека...

Сесилия долго молчала. Ей понадобилось время, чтобы набраться смелости и задать вопрос:

– Этот человек... мой настоящий отец?

Дженни поджала губы.

– Прости, милая, но я не могу сказать тебе ничего определенного. Просто знай, что этому человеку безразлична твоя судьба. Он любил твою маму.

Ответ удовлетворил Сесилию на несколько недель: пока она знакомилась с миром дорогих отелей, кораблей и вилл, портних, шеф-поваров, галантерейщиков и горничных. По пути к месту назначения она посетила Париж и была потрясена великолепным городом и его необычными жителями.

Школа для девочек в Шардонне размещалась в романтическом готическом замке – ничего подобного Сесилия даже представить себе не могла. Персонал отнесся к ней со всей возможной доброжелательностью. Девочку проводили в очаровательную башенку с окнами, выходящими на сверкающее под солнечными лучами Женевское озеро. Это был ее новый дом, который ей, конечно же, сразу понравился.

И в конце дня, присев на кровать, Сесилия ощутила мучительную пустоту в груди. Да, окна ее комнаты были огромными и чистыми, а не маленькими и тусклыми, как раньше. И теперь у нее были еда, одежда, тепло и забота окружающих.

И все же она по-прежнему оставалась одинокой маленькой девочкой в окружавшем ее мраке.

Глава 1

*Редмейн-касл,
Девоншир
1891 год*

Семь лет – чертовски долгий срок для шотландца, вынужденного обходиться без женщины. Или уже почти восемь?

Кассиус Джерард Рамзи, судья высокого суда, убедил себя в том, что именно длительное воздержание являлось причиной внезапно поразившего его недуга – совершенно неуместного болезненного возбуждения, не покидавшего его даже в общественных местах. Ничего подобного не случалось с ним с подросткового возраста.

Скоро ему исполнится сорок. В таком возрасте уже не должно быть подобных неприятностей. Кроме того, он вытравил из себя подобные слабости много лет назад.

Жизнь кое-чему его научила. Рамзи прекрасно знал, что мужские аппетиты следовало обуздывать твердой рукой, проявляя неуклонное самообладание, чтобы они не овладели им, не нанесли непоправимый ущерб.

Однако же... Он вдруг стал пленником собственного естества, вынужденным всячески скрывать необычайно сильную, если не сказать, неистовую реакцию при виде полногрудой мисс Сесилии Тиг, слизывавшей шоколад с пальцев, не обремененных перчатками.

И все это – во время приема в Редмейн-касл.

Рамзи старался внушить себе, что должен смотреть в другую сторону, но ничего не помогло – его взгляд постоянно возвращался к ней.

Собственно говоря, в этом не было ничего необычного. Сесилия Тиг принадлежала к типу женщин, к которым его всегда тянуло, у которых больше округлостей, чем прямых линий, к женщинам соблазнительным, роскошным. Ее кожа была цвета сливок, а губы... Ах, эти губы!

На ней было шелковое фиолетовое платье, являвшее прекрасным контрастом с рыжими локонами, переливавшимися всевозможными оттенками в свете канделябров.

Ее огромные глаза завораживали. А взгляд был смелый и прямой.

Будь он проклят, если эта женщина не создана для него.

– Эта Сесилия Тиг – живое воплощение греха. Коварный союз невинности и опыта. Женский эквивалент шоколадной конфеты.

Кончик ее пальца скрылся во рту – Сесилия с видимым удовольствием его облизнула.

Рамзи с трудом сдержал глухой стон и прикусил внутреннюю сторону щеки так сильно, что во рту почувствовался вкус крови. Он скрестил ноги, потом выпрямил их. Затем скрестил снова.

Семь проклятых лет...

Или больше? После тридцати Рамзи все свое время посвятил работе. Это был период напряженного труда и одиночества. Увы, он был лишен восхитительного зрелища, коим является обнаженное женское тело.

А каким чудом из чудес будет мисс Тиг, лишенная всех кружев, оборок и прочих нелепостей, призванных изменить женскую фигуру в угоду моде. Останутся только честные изгибы, интригующие ямочки, роскошные волосы и гладкая молочно-белая кожа...

Как мог Рамзи так долго обходиться без теплой тяжести женских ног, закинутых ему на плечи, когда он доставляет их обладательнице наивысшее наслаждение?

Ведь он уже почти забыл, каково это – заниматься любовью с пышной женщиной.

Сесилия Тиг наклонилась, чтобы взять еще один шоколадный трюфель с хрустального блюда. И Рамзи увидел ее пышную грудь, едва прикрытую кружевами.

Все греховные поступки, даже воображаемые, мгновенно пронеслись перед его мысленным взором, вызвав ошеломляющий прилив похоти, от которого гулко забилося сердце и перехватило дыхание.

Что тут поделаешь? Эти груди могли ввести во искушение и святого... Рамзи умирал от желания почувствовать их тяжесть в своих ладонях.

Струйка пота стекла по его затылку за воротник, и Рамзи тихо вздохнул, представив себе чудесный аромат кожи в ложбинке между этими грудями. Ему хотелось ощутить на языке чуть солоноватый привкус этой кожи, хотелось почувствовать ее невероятную мягкость...

– Могу я предложить вам попробовать, милорд Рамзи?

Ему потребовалась вечность, чтобы осознать слова мисс Тиг. С огромным трудом он обрел дар речи, моргнул и пробормотал:

– Простите, вы о чем?..

– Вы смотрите на них такими голодными глазами. – Ее очки увеличивали удивительно темные ресницы, которые на мгновение опустились, отбросив тени на щеки. – Можете мне поверить, они так же хороши на вкус, как на вид. Бархатистые, нежные и только со слабым намеком на соль. Держу пари, вы никогда не пробовали ничего вкуснее.

У Рамзи пересохло во рту. Он невольно взглянул на ее груди, от которых с титаническим усилием отвел глаза и в замешательстве уставился на лицо Сесилии, не выражавшее ничего, кроме искренней любезности.

Было совершенно ясно, что она говорила не о своей плоти. Не здесь же... Не так же откровенно!..

Возбуждение оказалось невероятно сильным. Судя по всему, его естество, решившее отныне управлять им, настойчиво требовало, чтобы он, Рамзи, принял столь непристойное предложение. Но неужели...

Рамзи оглянулся на других гостей, гуляющих по залу, нигде не задерживаясь. Слышал ли кто-нибудь еще ее слова?

– Понимаете, милорд, мы с Александрой испытываем непреодолимую слабость к шоколаду, – доверительно сообщила Сесилия и стала выбирать очередной трюфель с такой тщательностью, с какой ювелир выбирает драгоценный камень. – Этот шоколад привезли из Бельгии. Одна только текстура выше всяких похвал. А если почувствуешь, что там внутри... Поверьте мне, начинка – истинное чудо.

Окончательно сбитый с толку, Рамзи уставился на блюдо с трюфелями, мысленно обозвав себя идиотом.

Мисс Тиг предлагала ему трюфель. Да-да, конечно! Что же еще? С какой стати он вообще, что она вела речь о вкусе своей плоти? Возможно, он был так заворочен ее чуть хрипловатым голосом, почему-то вызывавшем ассоциации с дымком, вьющимся над бокалом с первосортным бренди, что неправильно истолковал ее слова.

Кашлянув, Рамзи бросил взгляд на своего сводного брата Пирса Гедрика Атертона, герцога Редмейна – тот внимательно слушал рассказ своей жены Александры и ничего не заметил.

Рамзи понадеялся, что если его взгляд будет достаточно долгим и тяжелым, то герцог придет на помощь и спасет его.

Но ему не повезло. Редмейн и его герцогиня были заняты общением с высшим обществом, стараясь ввести в него леди Франческу Кавендиш, графиню Мон-Клэр.

Проклятие! Мисс Тиг пригласили в этот проклятый замок только потому, что леди Франческа и леди Александра были ее школьными подругами. Эти три женщины были неразлучны со школьной скамьи, и брат Рамзи, герцог Редмейн, женился на Александре, зная, что Франческа и Сесилия являются в каком-то смысле частью сделки.

Но почему соблазнительная мисс Тиг не общается со своими подругами или же с другими гостями, а мучит его?

Упомянутая леди сочувственно ему улыбнулась и впилась зубами в очередной трюфель. Она наслаждалась им, словно осужденный своей последней трапезой.

– Сейчас я сыта – обед был роскошный, – сообщила Сесилия, прикрывая ладонью рот, набитый шоколадом. – Но, когда речь идет о десерте, я ненасытна.

Рамзи едва не проглотил язык. «Ненасытна»... Его желание тоже было ненасытным. Ему казалось, что в зале вдруг стало ужасно жарко и душно. И сейчас он мог думать только о мягкой кушетке у него за спиной или же о насыщенном соблазнительными ароматами прозрачном воздухе сада.

Нет-нет, это опасно. Похоть! Женщина! Это опасно...

Именно в такие моменты мужчина теряет все, сделав неправильный выбор. Например, можно пригласить ее на танец, на прогулку в сад... и овладеть ею в густых кустах.

Но только он не из таких. И никогда таким не станет.

Скрипнув зубами, Рамзи понадеялся, что если он будет хранить молчание, то мисс Тиг уйдет.

Не ведая о его похотливых мыслях, Сесилия наклонилась над столом и принялась выбирать ему трюфель.

– Милорд, вы должны это попробовать, – проговорила она с вежливой улыбкой.

Рамзи невольно поморщился. Мисс Тиг беспечно называла герцогиню Редмейн, леди, имеющую, вероятно, самый длинный титул в Британской империи, просто Алекс. Похоже, мисс Тиг считала, что со времен их детства ничего не изменилось. Казалось, она чувствовала себя как дома в этом зале, полном аристократии. И ее нисколько не смущал тот факт, что представители высшего общества сторонились ее, явно давая понять, что девушка не стоит их внимания. Насколько было известно, она не имела ни титула, ни богатства. Если что-то и выделяло ее из общей массы, то лишь искрящиеся в пламени свечей волосы и необычный для женщины рост.

Но действительно ли мисс Тиг так равнодушна к мнению о ней окружающих? Или просто делает вид? Должно быть, и впрямь равнодушна. Ведь даже откровенно враждебные взгляды не помешали ей съесть несколько трюфелей подряд.

– Попробуйте, – вновь заговорила девушка и протянула ему трюфель.

– Спасибо, я воздержусь, – с трудом пробормотал Рамзи. – Я, видите ли, не увлекаюсь...

– Трюфель? – Сесилия отдернула руку с трюфелем. И казалось, она ужасно огорчилась.

– Ничем, – глухо отозвался Рамзи.

Сесилия взглянула на него так, словно он совершил нечто преступное. Немного помолчав, она тихо сказала:

– Но, милорд, от одного кусочка вам плохо не станет. Кроме того, я уже взяла его с блюда, и было бы крайне неприлично возвращать его обратно. – Сесилия задорно улыбнулась, продемонстрировав обворожительные ямочки на щеках, и покрутила в пальчиках трюфель перед самым носом Рамзи.

– Не понимаю, почему вы так настаиваете, – пробурчал он.

– Каждому видно, что вы очень голодны, – сказала Сесилия. – Вы не сводили глаз с этого блюда.

«Она лукавит? Кокетничает?» – подумал Рамзи.

– Разрешаю вам съесть его вместо меня, – процедил он сквозь зубы. – Вам не удастся меня соблазнить.

Губы Сесилии дрогнули, словно она решала, стоило ли ей нахмуриться. В конце концов, она пожалала плечами и отправила трюфель в рот, тихонько застонав от удовольствия.

«Боже милосердный, а ведь я лжец!» – промелькнуло у Рамзи. – Да-да, он уже соблазнен. И его соблазнила Сесилия Тиг, причем в тот самый миг, когда он впервые ее увидел на приеме в честь помолвки Редмейна, прошедшей несколько месяцев назад. Потом они еще раз встретились на свадьбе.

Их официально представили друг другу, и Рамзи поцеловал ей руку. Этот поцелуй не оставил приятных воспоминаний, поскольку в тот самый момент он ощутил такое сильное возбуждение, что едва удержался от стога.

С тех пор Рамзи всячески ее избегал. Впрочем, это было нетрудно, ведь они не являлись людьми одного круга. Их связывала только его привязанность к Пирсу, герцогу Редмейну, а ее – к Александре.

Правда, герцог и герцогиня были почти неразлучны после их поспешного венчания, так что совсем избежать встреч с чарующей мисс Тиг все же не представлялось возможным.

Рамзи шумно выдохнул и попытался сосредоточиться на ком-то другом, на чем угодно.

Ему следовало бы позжать руку дипломатам, посетившим Редмейн-касл, таким как, например, граф Армедиано, итальянский коммерсант и судовладелец, происхождение которого было окутано тайной. Или можно было бы обсудить завтрашнюю речь в палате лордов с лордом-канцлером, сэром Хьюбертом, а также поговорить о новом налогообложении с премьер-министром.

Да, Рамзи должен был оказывать влияние на тех, кто поможет ему добиться предельных успехов в карьере.

Однако же... он сейчас никак не мог встать. Проклятая похоть! Ох, все было бы намного проще, если бы не соблазнительная мисс Тиг.

– Мне очень жаль... – В ее голосе прозвучало вполне искреннее сочувствие, и Рамзи поневоле снова уставился на пышную красавицу.

– Прошу прощения, вы о чем? – Рамзи поерзал на стуле и попытался вспомнить достоинства и недостатки закона о сельскохозяйственной собственности, надеясь, что это хоть как-то его отвлечет.

– Мы говорили об отсутствии у вас увлечений. – Сесилия кокетливо улыбнулась. Ямочки на ее щеках сводили его с ума! – Милорд судья высокого суда, если вы так же внимательны, рассматривая всевозможные тяжбы... Знаете, мне искренне жаль тех, кто от вас зависит.

Как ни странно, но при этих словах собеседницы Рамзи ощутил приятное изумление, а вовсе не раздражение и гнев. Более того, беседа начинала ему нравиться.

– Вы должны простить меня, мисс Тиг. День был очень утомительный. Общение с отбросами нашего общества не проходит бесследно и нередко заставляет забыть о хороших манерах.

– Мне очень жаль, – повторила Сесилия, одарив собеседника исполненной симпатии улыбкой, и положила руки на колени. – Быть может, вы желаете поговорить об этом? Лично я обнаружила, что становится легко, когда выскажешь все, что у тебя на душе.

– Нет, не становится, – отрезал Рамзи.

Он вовсе не желал, чтобы сказанные им слова прозвучали так грубо и резко, но предмет его теперешнего беспокойства не был предназначен для бесед с прекрасным полом. Дело касалось исчезновения молодых леди. Совсем юных девушек. Подобное не редкость в таком крупном городе, как Лондон. Но в данном случае сыщики обнаружили свидетельства существования тайной сети торговцев и перекупщиков, которые, судя по всему, торговали живым товаром, превращая бедных девушек в рабынь.

Несколько пойманных преступников указывали на самых высокопоставленных лиц как на поставщиков и покупателей – аристократов, членов правительства, высших военных чинов и даже представителей церкви.

Его окружали вконец опустившиеся люди, которые часто в страхе повторяли одно – *rubricata* — один из многих латинских синонимов слова «красный».

Встревоженный и всецело поглощенный этими делами, Рамзи не мог стать приятным собеседником на светском приеме. Однако он не мог отказаться от него, поскольку здесь присутствовали все сливки общества, а выборы были уже совсем близко. Поэтому Рамзи кратко переговорил с самыми нужными и важными людьми, а потом нашел тихий уголок у камина, где не было тех, кто желал на всех посмотреть и себя показать. Он как раз с удобством устроился в кресле, но оно по нелепой случайности оказалось рядом со столом с десертами, в центре которого стояло блюдо с трюфелями, так привлекавшими мисс Тиг. И вот сейчас...

Она вдруг подалась вперед, словно собираясь встать.

– Если вы не желаете разговаривать, милорд, я оставлю вас. Не буду вам мешать. – Судя по ее безмятежному лицу, она вовсе не обиделась.

– Нет-нет! – воскликнул Рамзи, не подумав.

Ее глаза округлились – слишком уж энергичным было его возражение. Но сам Рамзи удивился еще больше. Совершенно сбитый с толку, он уставился на девушку. Что же в ней вызывало у него такую реакцию? Каким образом она лишала его невозмутимости и самообладания? И ведь, похоже, что она этого вовсе не желала... Еще ни одна женщина так на него не действовала.

А значит, он должен намекнуть, чтобы она оставили его одного.

– Пожалуйста, не отказывайтесь от трюфеля из-за меня, – выпалил Рамзи и тут же стиснул зубы, чтобы не сказать что-нибудь и вовсе нелепое. К примеру, предложить ей пересесть к нему на колени. А ведь вроде бы он только что решил, что должен избавиться от ее общества.

Сесилия усмехнулась и взглянула на него с явным сочувствием.

– Быть может, я могу предложить вам что-нибудь выпить, милорд? Это поможет вам забыть о судейских проблемах.

Рамзи покачал головой, прекрасно понимая, как важно сохранить рассудок в присутствии этой женщины.

– Я, как правило, воздерживаюсь от спиртного. Позволяю себе лишь бокал вина за ужином – и все.

– Жизнь без шоколада и вина? – Сесилия склонила голову к плечу, и в ее глазах снова появилось сочувствие. – Как ужасно... Отчего же вы получаете удовольствие, милорд?

«Удовольствие? А что это? Пожалуй, уже и не вспомнишь», – со вздохом сказал себе Рамзи.

– Я работаю, – буркнул он. И невольно провел ладонью по обивке дорогого кресла, на котором сидел. Рамзи до сих пор получал удовольствие, когда садился в такие мягкие кресла. Даже по прошествии стольких лет...

Когда Кассиус был мальчиком, то и представить себе не мог, что существует нечто подобное. Спал он на жесткой кровати, дома всегда было пусто и холодно, как и в его животе. А потом и в сердце.

И все потому, что в его семье никогда не отказывали себе во всевозможных удовольствиях. И это в конце концов принесло им только стыд и нищету.

Его мать мастерски играла на низменных слабостях мужчин, и в результате отец Кассиуса превратился в ее бессловесного раба, делавшего все, чего бы она ни пожелала. И это его убило.

Отец Редмейна, второй муж его матери, сделал ее герцогиней. Она отблагодарила его за это такими многочисленными изменами, что герцог, однажды напившись до беспамятства, повесился.

Сам Редмейн, прирожденный авантюрист, стал искателем приключений и остановился лишь тогда, когда удар когтей ягуара лишил его красоты и едва не стоил ему жизни.

И вы только посмотрите на него теперь! Он покорен своей молодой женой, еще недавно известной как нищий синий чулок, рядом с которой тоже несколько раз едва не лишился жизни. Похоже, им обоим наплевать на пересуды общества, которое не перестает завидовать богатству и влиянию Редмейна. Но сколько это будет продолжаться?

Нет, нет и еще раз нет. Потворство своим желаниям – проклятие, а удовольствия – гибель. Мужчина должен всегда и во всем контролировать себя, иначе он перестанет быть самим собой, лишится власти или чувства собственного достоинства, либо и того и другого.

Он, Рамзи, однажды уже поддался искушению. Это случилось очень давно, еще в юные годы. Тогда он был уверен, что встретил любовь всей своей жизни, и эта слабость едва его не погубила.

Рамзи снова взглянул на мисс Тиг: его внимание привлекло то, как она натягивала перчатки на свои белоснежные руки. Рамзи почувствовал, что наслаждается этим зрелищем. Как давно это было? Когда он мог позволить себе просто сидеть и смотреть на женщину? Но ведь на нее удивительно приятно смотреть, не так ли? Да и слушать одно удовольствие. Мягкая и нежная. На ней отдыхал глаз. Даже странно, что она могла одновременно и возбуждать его, и успокаивать.

Почему его так воспаляет это зрелище? То есть то, как она надевает перчатки... Ведь в самом процессе не было абсолютно ничего обольстительного. И все же Рамзи не мог отвести от нее глаз. Хм... странно, очень странно...

– Прошу меня извинить, если я вмешиваюсь не в свое дело, – заговорила Сесилия, забыв о своем предыдущем вопросе, – но мне любопытны причины вашего... воздержания.

Рамзи внимательно всматривался в лицо мисс Тиг, стараясь отыскать двусмысленность в ее словах и в ее заговорщическом тоне. Неужели она поняла, что он уже много лет обходится без женщины? Неужели поняла, что он хотел ее, причем немедленно?

– Это вопрос тактики, – ответил Рамзи.

– Тактическая война с шоколадом и вином? – Мисс Тиг улыбнулась.

Господи, ну что за улыбка?! Куда там Моне Лизе! Мисс Тиг улыбалась одновременно застенчиво и шаловливо, но на ее лице не было и намека на лукавство или же коварство.

– Человек, выполняющий мою работу, должен быть безупречным, поэтому я избегаю всех тех излишеств, которые могут привести к привыканию и ослабить моральный дух, – заявил Рамзи. – Речь идет об алкоголе, обжорстве, азартных играх...

– И женщинах? – В разговор вмешался граф Адриан Армедиано. Его красивое, даже, пожалуй, слишком красивое лицо, было очаровательным.

– Само собой разумеется. – Судья едва заметно нахмурился.

– Вы глубоко заблуждаетесь, мой друг. Все обстоит как раз наоборот. Женщина – это не слабость, а сила. – Армедиано повернулся к Сесилии и окинул ее оценивающим взглядом. Рамзи еще больше нахмурился. Итальянец же положил руку в белой перчатке на спинку ее

кресла. Жест был совершенно не угрожающим, но весьма вольным. – Жизнь без женщины скучна и однообразна.

На щеках Сесилии появился легкий персиковый румянец, вызванный откровенным оценивающим взглядом графа.

Рамзи скрипнул зубами. Наглый итальяшка вполне мог бы смотреть и в другую сторону.

Армедиано двигался очень элегантно. Он сел возмутительно близко к мисс Тиг и расстегнул пуговицу на своем сюртуке. Взяв у лакея два бокала с шампанским, граф протянул один из них мисс Тиг и одарил ее очаровательной улыбкой, впрочем, не затронувшей его холодных глаз.

Сесилия приняла бокал с благодарностью, улыбнулась и сделала маленький глоток, одновременно покосившись на Рамзи.

Судья высокого суда решил, что у графа взгляд хищника. Острый и пронизательный. Итальянец легко лавировал в толпе гостей и ничего не упускал. Вместе с тем никто не ощущал с его стороны угрозы. Чем мог угрожать этот высокопоставленный иностранец?

Вероятно, ничем. Пока не выберет себе жертву.

Бедняжке мисс Тиг предстояло стать кроликом, в которого он вот-вот вцепится своими острыми когтями.

Рамзи ужасно разозлился, но усилием воли взял себя в руки. У него не было никаких причин бодаться с этим человеком. Сесилия Тиг – никто для него. Так... подруга жены единственного брата. Какое ему дело, если она станет жертвой повесы?

– Невозможно придумать ничего лучшего для окончания прекрасного вечера, чем бокал холодного шампанского, – мечтательно проговорила мисс Тиг.

– Есть кое-что и получше. – Граф действовал весьма напористо и с видом обольстителя провел костяшками пальцев по обнаженной коже ее руки между перчатками и рукавами, которая сразу покрылась мурашками.

Рамзи почувствовал непреодолимое желание переломать наглицу пальцы один за другим.

«У нее, наверное, уже отвердели соски», – внезапно промелькнуло у Рамзи.

– Прошу простить меня за то, что я вмешался в ваш разговор, – с фальшивым сожалением сказал граф, – но я случайно подслушал последние слова, которые заинтриговали и огорчили меня. Милорд судья, неужели вам не жаль лишать себя маленьких удовольствий, которые предлагает жизнь?

Рамзи представил себе головы преступников, выставленные для обозрения на Лондонском мосту, и решил, что голова итальянского графа была бы там весьма кстати.

– Все нет. – Рамзи наконец получил долгожданную возможность свободно вытянуть ноги. Вмешательство графа отвлекло его, и возбуждение уменьшилось. – Я создал для себя удобную и успешную жизнь, наполненную работой и самодисциплиной. Меня все устраивает. Нет никакой необходимости стремиться к греху или скандалу, чтобы достичь удовлетворения.

– Нет мужчины без греха. – Армедиано тихо засмеялся и покосился на Сесилию. – Женщины тоже.

Сесилия хмыкнула, глядя на Рамзи, словно на уравнение, которое никак не могла решить.

– Но разве одного только удовлетворения достаточно? – спросила она. – Вам не бывает одиноко, лорд Рамзи? Или скучно...

Рамзи хотелось объяснить ей, что большинство людей не понимают, что такое одиночество, пока не окажутся в полной изоляции. Можно испытывать одиночество в комнате, полной людей, или же в объятиях любовника. Существовали разные формы одиночества. Ему почему-то казалось, что Сесилия ничего подобного не испытывала. Никогда.

Но Рамзи решил уклониться от ответа.

– Я, видите ли, занятой человек. У меня попросту нет времени на скуку и одиночество.

– Вам повезло, – пробормотала Сесилия. Ее лицо на мгновение стало грустным, но она быстро справилась с собой, сделала из своего бокала несколько больших глотков и сказала: – Признаюсь честно, я иногда слишком увлекаюсь шоколадом и шампанским, поскольку для старой девы другие удовольствия недоступны.

– Bravo! – Граф Армедиано поднял повыше свой бокал.

Сесилия и Армедиано звонко чокнулись. Рамзи в очередной раз заскрипел зубами и изо всех сил старался сохранить самообладание.

– Я слышал, вы учились в Сорбонне, мисс Тиг, – сказал граф, пристально глядя на женщину из-под густых темных бровей.

– Вы хорошо информированы, – ответила она.

– Вы учились вместе со своими очаровательными подругами, графиней Мон-Клэр и герцогиней Редмейн?

Заметив, что граф Армедиано как-то слишком уж напряжен для такого простого вопроса, Рамзи прищурился. Человек, не привыкший к общению с лжецами и преступниками, ничего бы не заметил, но он, Рамзи...

– Алекс тогда еще не была герцогиней. Да, мы посещали Сорбонну вместе, так же как и школу для девочек в Шардонне, что на Женевском озере.

– И там вы организовали общество, насколько мне известно. *Rasrello Rosso*, не так ли?

– Не распутницы, дорогой граф. Проказницы. Нас называли Рыжими проказницами.

– Она говорит по-итальянски! – восхитился граф.

– Совсем немного, – скромно заметила Сесилия. – А откуда вам известно о нашем обществе? Насколько я знаю, мы не пользовались широкой известностью.

– Наоборот! – Граф придвинулся к Сесилии поближе, и его колено коснулось ее ноги. – Женщины с университетским образованием – до сих пор большая редкость даже во Франции. А трио таких красавиц, как вы, невозможно не заметить. Тем более что вы всячески старались вести жизнь, дозволенную только мужчинам.

Следовало отдать должное мисс Тиг – она отодвинулась и уверенным жестом убрала упавшую на лоб прядь волос.

– Мы хотели жить полной жизнью, милорд, – спокойно проговорила она.

Рамзи не выдержал.

– И удачно выйти замуж? – Он кивнул в сторону герцогини.

На красивое лицо Сесилии набежала тень, лоб перерезала морщинка.

– По правде говоря, мы поклялись вообще не выходить замуж, но у Александры изменились жизненные обстоятельства.

– Вы хотите сказать, что графиня Мон-Клэр не планирует вступать в брак? – удивился граф. – Разве ей не нужен наследник для передачи титула и состояния?

– Сейчас ее в первую очередь занимает не это, – туманно ответила Сесилия.

– А вы?

Мисс Тиг поправила очки, съехавшие на кончик носа. Она явно почувствовала себя неловко.

– Что я? – переспросила Сесилия.

– Простите мои грубые иностранные манеры, но разве вас не интересует выгодный брак? Математикой состояния не заработаешь.

Сесилия покачала головой. Ее кожа стала абсолютно белой, как бумага.

– Н-нет.

Рамзи уже давно усвоил, что мужчине таких габаритов, как он, нет необходимости повышать голос. Делая внушение, он всегда говорил тихо и ровно. Но сейчас Рамзи еще и подался вперед, чтобы ширина его плеч стала более заметной.

– Как вам, безусловно, известно, в нашем обществе не принято обсуждать финансовые дела, граф, – внушительно проговорил судья. – Поэтому мне представляется, что речь идет не о незнании наших манер, а о намеренном их нарушении вами.

Граф не отступил, но сменил тактику:

– Вы должны меня простить. Я никого не хотел обидеть.

Ну что за осел! Не просит прощения, а требует его.

– Никто и не обиделся. – Сесилия тронула рукав графа, одновременно бросив благодарный взгляд на лорда Рамзи.

Тот напрягся, ощутив прилив необъяснимой ревности.

– Лорд Рамзи – настоящий рыцарь. – В приятном бархатистом голосе графа послышались злобные нотки. – Скажите, мисс Тиг, вы ведь любите цифры... И какова вероятность того, что лорд судья высокого суда так морально безупречен, как он утверждает?

Сесилия нервно хохотнула и провела по щеке пальчиком, затянутым в перчатку. Кажется, она немного смутилась.

– Это очень простой вопрос, граф. Все решает количество возможных исходов, а в данном случае решений может быть только два: этот человек или хороший, или плохой. Иными словами, вероятность составляет пятьдесят процентов.

– А какова ваша оценка? – упорствовал граф. – Люди – это совокупность сделанных ими выборов. Как по-вашему, лорд Рамзи – хороший человек или плохой?

Рамзи помотал головой, кипя от злости.

– Она знает меня каких-то пять минут... – проворчал он.

– Простите, но вы ошибаетесь, граф Армедиано. – Сесилия безмерно удивила обоих мужчин, перебив их. Позволив себе указать аристократу на ошибку. По собственной инициативе заговорив с мужчиной. – Я уверена, что человек – это нечто большее, чем совокупность выборов, – продолжила Сесилия. – Именно поэтому их невозможно оценить математически. Каждый человек – сложный синтез опыта, образования, окружения, болезней, желаний... и многого другого. Кроме того, нельзя игнорировать и такие физические переменные, как питание, традиции, этнические особенности, национальность и... да, действия. Поэтому людей не так-то просто измерить. – Она метнула на Рамзи полный значения взгляд, который он не сумел разгадать. Впрочем, ему почудилось, что в нем была грусть, и в его душе пробудился инстинкт защитника. – Вот почему я нахожу ваше положение столь трудным, лорд Рамзи. Я бы никогда не смогла осудить человека, даже будучи членом высокого суда. Думаю, я никогда бы не смогла с уверенностью определить, чего заслуживает подсудимый: наказания или снисхождения.

Граф Армедиано сделал глоток шампанского.

– Вы считаете, мисс Тиг, что люди так или иначе получают то, что заслуживают? А разве не бывает так, что хорошие люди страдают, а злые – добиваются успеха?

– К сожалению, бывает.

Рамзи внимательно наблюдал за собеседницей, которая, покосившись на леди Франческу и леди Александру, продолжила свою речь:

– Тем не менее я стараюсь верить, что добро в конце концов восторжествует. Тем более что есть люди, неустанно следящие за тем, чтобы держать зло в узде. Такие как лорд Рамзи, герцог и герцогиня, а также леди Мон-Клэр.

– Но не вы? – удивился граф.

Сесилия невесело рассмеялась.

– Разумеется, я тоже хочу творить добрые дела. Но Александра – доктор археологии. Она хранит уроки истории и наследие тех, кто жил до нас. У герцога есть арендаторы и слуги, и он заботится о судьбах многих. А Франческа...

Мисс Тиг внезапно умолкла. Рамзи заметил, что граф Армедиано вдруг резко выпрямился, словно его насадили на шампур.

– Ну, у Франчески своя жизненная миссия, – пробормотала Сесилия. – Однако боюсь, что мне она не известна. Возможно, со временем...

– Мисс Тиг, вы – изысканное и абсолютно непредсказуемое создание, – сказал граф Армедиано, поглядывая на Франческу, окруженную большой группой аристократов. Казалось, она сияла среди них словно редкий рубин. Ее огненно-рыжие волосы сверкали в свете канделябров.

– Спасибо, милорд, – отозвалась Сесилия.

– А вы, лорд Рамзи, вывели меня из заблуждения. Я всегда думал, что шотландцы – жаждающие удовольствий варвары, – заметил граф Армедиано.

Рамзи на мгновение замер, чувствуя, как вскипает его кровь.

Варвары?

Граф Армедиано явно не ведал, что такое варварство. Этот изнеженный аристократишка ни за что не выжил бы в тех условиях, в которых рос и воспитывался он, Рамзи. У итальянского графа было смуглое лицо человека, выросшего под теплым южным солнцем. Интересно, он когда-нибудь мерз? Испытывал голод и жажду? А одиночество? А жестокость окружающих?

Приходилось ли ему убивать, чтобы добывать себе пищу, чтобы выжить? Рамзи мог бы поспорить, что все это Армедиано было неведомо. А суровый быт... Что ж, он не воспитывает грациозную элегантность.

Судья уже открыл рот, чтобы высказать итальяшке все, что он о нем думал, но Сесилия опередила его:

– Я полагала, граф Армедиано, что подобные идеи были уже давно опровергнуты такими великими шотландцами, как Роберт Бернс и Джоанна Бейли. Сейчас традицию продолжает Роберт Льюис Стивенсон, – сообщила она.

Рамзи наконец-то закрыл рот. Он понятия не имел, что сказать. Еще никогда в жизни никто не выступал в его защиту. Рамзи всегда сражался в одиночку.

– Я должен снова извиниться, мисс Тиг. – Граф Армедиано приложил руку к сердцу и склонил голову. – Могу я, по крайней мере, пригласить вас на прогулку по саду?

– Вы наверняка знаете, граф Армедиано, что в нашем обществе подобное не принято. – Рамзи наконец обрел дар речи. – Делать такое предложение леди грубо и неприлично.

Темные глаза итальянца вспыхнули, но его манеры остались учтивыми.

– Простите, я этого не знал.

Не знал?.. Какого черта?! Рамзи снова нахмурился.

– Мисс Тиг без компаньонки и потому не должна оставаться наедине с мужчиной, – пояснил судья. Особенно с таким красивым мужчиной, неженатым континентальным аристократом, который раздевал ее взглядом.

Сесилия встала, вынудив мужчин сделать то же самое. Ее глаза потемнели, в их глубине уже начиналась гроза.

– Я – человек независимый и в качестве такового могу делать все, что захочу, – объявила она.

Граф Армедиано бросил на Рамзи взгляд, полный мужского торжества.

– Значит ли это, что вы желаете погулять со мной в саду? Клянусь, ваша репутация не пострадает.

У Рамзи перехватило дыхание. С замиранием сердца он ждал ответа мисс Тиг.

Словно вызванный тайным сигналом, рядом с Сесилией внезапно появился пожилой джентльмен в вечернем одеянии. И он прошептал ей что-то на ухо вроде бы по-французски.

На лице девушки отразилось величайшее облегчение, и она с готовностью протянула ему руку.

– Возможно, как-нибудь в другой раз. – Мисс Тиг вежливо улыбнулась итальянцу. – Спасибо, джентльмены, за интересную беседу. А сейчас я должна вас оставить. Приятного вам вечера.

Сесилия не удосужилась сделать реверанс, и Рамзи не винил ее за это. Он не сводил глаз с ее соблазнительно покачивающихся при ходьбе бедер. Девушка склонила голову к своему кавалеру, который был ниже ее ростом, и они о чем-то беседовали.

– Не повезло вам, граф, – сухо сказал Рамзи. – Похоже, сердце очаровательной мисс Тиг уже занято. Этот француз, должно быть, очень богат, поскольку годится Сесилии в дедушки, и потрепан, как старый кожаный сапог.

– Вовсе нет. Это Жан-Ив Рено. Он вроде талисмана для Рыжих проказниц. Мисс Тиг увезла его с собой из школы в Женеве и, как известно, нигде не появляется без него. Он камердинер мисс Тиг. Если, конечно, у женщины может быть камердинер. – Брови графа сошлись на переносице. – Удивлен, что вы этого не знали.

Рамзи окинул собеседника неприязненным взглядом.

– А я удивлен, что вы это знаете.

Граф Армедиано пожал плечами.

– Мужчина всегда должен знать, с кем ведет дела и с кем ложится в постель. У нас с герцогом много общих знакомых.

– Да, пожалуй. – Рамзи шумно выдохнул. Он слышал о Жан-Иве Рено, но никогда не видел этого человека. Он знал, что его единоутробный брат испытывал глубокую благодарность к этому мужчине за то, что тот верой и правдой служил Рыжим проказницам много лет. Но герцог никогда ничего о нем не рассказывал. И до сегодняшнего вечера Жан-Ив не вызывал у Рамзи любопытства.

– Рыжие проказницы, словно три розовых бутона, составивших заговор с целью так пышно и ярко расцвести. Теперь никто в саду не может с ними сравниться. – В голосе графа Армедиано, наблюдавшего за леди Александрой, леди Франческой и мисс Сесилией, появились странные нотки, близкие к благоговению. – Потрясающие женщины, не правда ли?

– Опасные женщины, – буркнул Рамзи. – Таких надо всеми силами избегать, чтобы на тебя не обрушилась катастрофа.

Он отошел от неприятного ему графа Армедиано, но лишь после того как тот утвердительно кивнул. Любому случайному гостю эти слова судьи могли показаться мрачноватой шуткой. Но эти двое знали их истинный смысл.

В словах лорда Рамзи была угроза.

Глава 2

*Школа мисс Генриетты
для культурных юных леди
Лондон, 1891 год
Три месяца спустя*

Сесилия довольно долго не могла осознать, что она унаследовала воистину адское заведение.

В свою защиту Сесилия могла сказать лишь одно: школа мисс Генриетты для культурных юных леди с виду выглядела вполне безобидно. Дом номер 3 по Маунтинг-лейн располагался в западном Лондоне, совсем недалеко от фешенебельной части Гайд-парка. Прямоугольное белое здание с впечатляющими колоннами напоминало греческий пантеон.

У дверей ее встретил величественный дворецкий в белом парике и проводил в изысканную гостиную, отделанную разными оттенками красного и золотого. Сесилию удивила одежда

дворецкого, словно доставленная из прошлого века, но она, сделав над собой усилие, не захихкала, глядя на его башмаки на высоких каблуках и кружевные манжеты.

Хотя при королеве Виктории возникла мода на готику и всевозможные замысловатые новации, в доме номер 3 по Маунтинг-лейн все осталось без изменений и дышало показной роскошью Версаля в дни короля Людовика XIV.

И все это, переданное таинственным благодетелем, который оказался вовсе не ее отцом, а сестрой ее матери Генриеттой Фислдаун, теперь принадлежало ей, Сесилии.

Чтение завещания не затянулось. Сесилия получила всю собственность Генриетты, включая школу для культурных молодых леди, некоторую недвижимость и довольно внушительные денежные средства.

Поверенный Генриетты отдал Сесилии запечатанное письмо, взяв с нее слово, что она не прочтет его, пока не обоснуется в кабинете Генриетты в доме номер 3 по Маунтинг-лейн. Поэтому Сесилия, недолго думая, наняла экипаж и отправилась прямо туда.

Сесилия никак не могла заставить себя сесть на стул или в кресло в гостиной: мебель казалась слишком хрупкой и могла не выдержать ее веса. Поэтому она принялась расхаживать по комнате, прислушиваясь к стуку своих каблучков по мраморному полу.

При этом Сесилия вертела в пальцах конверт, вглядываясь в несколько строчек, написанных ровным почерком на дорогой бумаге. У нее заныло сердце, к горлу подкатил комок. Девушка безуспешно пыталась справиться с ощущением потери.

Все прошедшие годы она была уверена, что неведомый благодетель – ее отец.

Много лет Сесилия была обязана составлять ежемесячные отчеты, прежде чем на ее счет поступала очередная сумма. Она подробно писала о своем образовании, поездках, здоровье. И постепенно неведомый благодетель стал обретать очертания. Сесилия представляла себе пожилого мужчину, одиноко живущего в доме, похожем на этот. Но существовавшие в обществе правила не позволяли ему открыто признать свое отцовство. Поэтому он любил свою дочь издалека, хотя и жаждал ее общества.

Явление неведомой тетки по материнской линии не было бы столь волнующим, если бы Сесилия не узнала о ней только после скоропостижной кончины женщины.

Теперь получилось, что она оплакивала двоих. Оплакивала тех людей, которых у нее никогда не было возможности полюбить.

Тихонько вздохнув, Сесилия подошла к окну, выходившему в цветущий сад, окруженный со всех сторон высокими белокаменными стенами, и зажала рот ладонями. То, что она увидела в саду, ошеломило ее и до крайности шокировало.

На лужайке с безукоризненно подстриженной травой не более чем в семи шагах от окна какая-то смуглая девушка в желтом бальном платье подпрыгивала, сидя верхом на полуголом мужчине. Лежавший на траве мужчина придерживал партнершу за бедра, чтобы она не взлетела к небесам, поскольку он совершал толчки с необычайной энергией.

Шок сменило странное беспокойство за молодых любовников. Ведь если она, Сесилия, увидела столь бесстыдное соитие в саду в середине дня, то это мог заметить и кто-то другой...

Прошло несколько секунд, и она стала примечать еще кое-какие детали.

Платье девушки, как и одяние дворецкого, вышло из моды по меньшей мере сто лет назад. Ее темные волосы были напудрены – эта практика тоже была давно забыта. Губы же были слишком густо накрашены, как и щеки, и еще...

Сесилия тихо вскрикнула. В этот момент мужчина спустил платье девушки с плеч, обнажив ее груди, на зависть упругие и высокие. А соски, задорно торчавшие, тоже были накрашены.

Сесилия понимала, что должна отвернуться и не смотреть на столь бесстыдное зрелище, но она ничего не могла с собой поделать.

И это были вовсе не ласковые любовные игры: руки мужчины, цепко державшие женщину, тискали ее груди, а затем его пальцы скользнули ей в рот. Женщина же все это время скакала на нем, постоянно ускоряя темп и кусая его пальцы. Судя по всему, она точно знала, с какой силой надо кусать, чтобы подстегнуть любовника и доставить ему максимум удовольствия.

Сесилия сама не поняла, в какой момент ее руки опустились на платье в сине-белую полоску и прижались к нижней части живота, где неожиданно словно затрепетали крыльями бабочки. А потом она ощутила тяжесть и пустоту одновременно. И еще – странную тянущую боль, вроде бы приятную...

Ей вспомнились душные утренние часы на Женевском озере, когда Рыжие проказницы наблюдали за учениками школы для мальчиков, занимавшихся греблей. Их ритмичные движения оказывали на нее очень странное воздействие, хотя ей было всего лишь семнадцать.

– Прости, что заставила тебя ждать, но...

Сесилия ахнула и повернулась к Женевьеве Лево. Та стояла на пороге; на ней было ярко-розовое платье, украшенное невероятным количеством бантов.

Женщина рванулась к окну, но не смогла полностью заслонить от взгляда Сесилии непристойное зрелище, поскольку та за прошедшие после их первой встречи пятнадцать лет значительно переросла свою спасительницу.

– Проклятие, – пробормотала Дженни. – Именно сегодня... – Она распахнула окно и высунулась из него настолько, что вполне могла выпасть. – Лили Белл! Считай, что ты получила последнее предупреждение. В следующий раз я вышвырну тебя отсюда. Я уже говорила, чтобы ты занималась этим в другом месте. У нас подобное не приветствуется.

Сесилия отметила, что громкий голос Дженни и ее причудливый американский выговор несколько не изменились, хотя она уже много лет жила в Англии.

– Но пришел лорд Кроуфорд, – отозвалась девушка. – Он желал поиграть. Поскольку же мы сегодня закрыты, лорд Кроуфорд предложил другое занятие. Ты предпочитаешь заниматься этим на свежем воздухе, правда, милый? – Лили звонко шлепнула партнера по ляжке, словно по крупу лошади.

– Мне нравится, когда есть зрители, – задыхаясь, проговорил мужчина.

К ужасу Сесилии – впрочем это был не ужас, просто она не могла подобрать другого слова для смеси шока, странной щекотки в животе и общего недомогания, которые испытывала, – Кроуфорд и Лили не прекратили своего занятия. Разговор даже не сбил их с ритма. Более того, Кроуфорд, глядя прямо на Сесилию, ускорил движения. Снова схватив Лили за бедра, он врывался в нее яростно и стремительно.

Сесилия же не знала, что ей делать: смеяться, плакать, бежать или... продолжить наблюдать.

– Я же сказала, *не сегодня*, ты, ненасытное создание! – заорала Дженни, и ее голос утратил мягкость. Теперь можно было не сомневаться, что она в бешенстве. – Приехала наша новая *директриса*. Мы должны были не так ее встретить, понимаешь? Заканчивай с Кроуфордом и прогони его. И если я еще раз увижу нечто подобное...

– Я думала... она не... придет... до полудня. – Голос Лили прерывался, затем послышался ее громкий и хриплый стон.

– Я сейчас, сейчас, уже вот-вот... – сообщил Кроуфорд голосом, звеневшим от напряжения.

В следующее мгновение черты Кроуфорда исказились, а по телу пробежала дрожь. Почувствовав, что корсет стал ей тесен, Сесилия резко развернулась и поспешила к двери. Та открылась раньше, чем она успела потянуться к ручке. На пороге возник взъерошенный дворецкий. Он явно был в панике.

– Только что на Маунтинг-лейн свернули три экипажа с представителями закона, – задыхаясь, сообщил дворецкий.

Сесилия в ужасе посмотрела на Дженни. Неужели она унаследовала бордель?

Дворецкий покосился на девушку и добавил:

– Мне сказали, что с ними Викарий Порока.

«Викарий Порока»? Сесилия мысленно попыталась вспомнить, что она читала о гражданском праве, и в конце концов пришла к выводу, что подобное прозвище никто не пожелает принять добровольно.

Из уст Дженни сорвалась ругань, услышав которую, покраснел бы портовый грузчик. Она бросилась к окну и заорала:

– Немедленно вышвырни этого жеребца, Лили! К нам едет Викарий Порока со своей армией.

– Опять? – с невозмутимым видом осведомилась Лили. Но все же спрятала груди под платье.

Дженни захлопнула окно и обернулась к Сесилии. В янтарных глазах Дженни читалась паника. И еще в них явственно читалось сожаление.

– Милая!.. – Она подошла к Сесилии, замершей у двери, и взяла ее за руки, в которых девушка продолжала держать почти забытое письмо.

Они обе некоторое время смотрели на сложенный лист бумаги, потом уставились друг на друга.

Дженни за пятнадцать лет почти не изменилась. Ее кожа оставалась мягкой и шелковистой, но морщины в углах чувственных губ стали чуть заметнее, а на щеке появилось нарисованная мушка в виде сердечка. Волосы же оставались густыми и пышными, однако на висках появилась седина. Но она оставалась все такой же элегантной, как и в день их первой встречи.

– Не так я хотела тебя поприветствовать, – пробормотала Дженни. Она повернулась к дворецкому. – Уинстон, убедись, что Кроуфорд заплатил Лили и ушел до того, как к нам пожалуют непрошенные гости. А потом осмотри все и удостоверься, что они ничего не найдут.

– Да, мадам.

Дженни шагнула к двери, потащив Сесилию за собой.

– Я надеялась, что у нас будет время все обсудить, но волки уже воют под дверью.

– Волки? – Сесилия тщетно пыталась осознать события последних минут.

Дженни же провела девушку через шикарный мраморный вестибюль к маленькой дверце, почти незаметной среди деревянных панелей под лестницей.

– Это письмо от твоей тети Генриетты, – сказала она. – Постарайся прочитать его до того, как Викарий выломает нашу дверь.

– Кто он, этот Викарий? – Сесилия остановилась, чувствуя, что стоит у некоего порога, у опасной черты и буквально, и фигурально. Не дождавшись ответа, она спросила: – Куда мы идем?

– В личные апартаменты. – Дженни снова потянула Сесилию за собой. – Пойдем быстрее, дорогая. У нас нет времени тянуть кота за... за хвост.

– Какого кота? – Встревоженная и переполненная впечатлениями, Сесилия рывком высвободила руку из цепких пальцев Дженни. – Причем тут какой-то кот?

– Я понимаю, тебе многое предстоит осмыслить, куколка. – Лицо Дженни потемнело. – Но все это потом. Тот человек, который намеревается выбить нашу дверь, хочет все у нас забрать, то есть у тебя. Здесь казино и школа. Это правда, несмотря на то что ты здесь увидела. В этом заведении женщины могут работать и одновременно учиться торговому делу. Но Викарий хочет всех девушек, живущих здесь под нашей защитой, выбросить на улицу, где им придется продавать себя в грязных переулках всяким головорезам. Так что если ты не хочешь провести следующие несколько лет в тюрьме из-за вымышленных обвинений – уж не знаю,

что у него в голове на этот раз, – то ты последуешь за мной, прочитаешь письмо и постарайся использовать все свои мозги, которых, я знаю, вполне достаточно в твоей хорошенькой головке, чтобы отвадить его. Ты меня слышишь?

Дженни взяла Сесилию за плечи и не слишком ласково встряхнула ее.

– Викарий теперь твой враг, понимаешь? Один из многих.

Сесилия замерла, пытаясь осознать услышанное.

Враги? Став взрослой, она никогда не имела ни соперников, ни даже просто недоброжелателей, не говоря уже о *врагах*. Этим утром Сесилия завтракала и пила кофе в маленьком кафе в Челси. Тогда ее занимала лишь одна мысль: что делать с недавно полученной степенью по математике.

А теперь ей грозит *тюрьма*? Не самая приятная перспектива. Сесилия невольно вздрогнула.

– А что если мы спокойно поговорим с этим... Викарием Порока. Что если я скажу ему, что унаследовала это заведение только сегодня утром? – Сесилия поморщилась, услышав в собственном голосе плаксивые нотки. – Он же не может обвинить меня в каком-нибудь преступлении? Я ведь только что переступила порог этого дома.

Дженни выругалась себе под нос.

– Этот человек не умеет спокойно разговаривать. Он люто ненавидит все, что может доставлять удовольствие. Азартные игры, спиртные напитки, театр, танцы. Но больше всего он ненавидит блудниц.

– Но если это не бордель, то вы не сделали ничего противозаконного.

Дженни отвела глаза.

– Чем занимаются женщины, работающие здесь, чтобы свести концы с концами, – это не наше дело. Скажу честно, Лили – не единственная девушка с несколько... своеобразными представлениями о морали. Я ее действия стараюсь не замечать. Но тут не бордель, и наши посетители приходят сюда не ради секса... В основном.

Они вошли в личные апартаменты, и Дженни на минуту задержалась, чтобы закрыть за собой дверь, затем быстро провела за собой ошеломленную Сесилию к покрытой темно-синим ковром лестнице. Девушка успела краем глаза заметить обои цвета слоновой кости и полы из темного дерева, после чего Дженни втокнула ее в элегантный, чисто женский кабинет, выдержанный в светлых тонах и украшенный картинами на стенах. Эта комната совершенно не походила на пышный дворец чувственности, на интерьер нижнего этажа.

Сесилия молча рассматривала дорогие предметы искусства, а также красивую мебель, и все это, казалось, сверкало в ярком солнечном свете, лившемся сквозь потолочное окно.

По ее представлениям, игорный дом надлежало освещать газовыми лампами и канделябрами, и тогда в золотистом пламени свечей даже полдень будет казаться волшебным вечером.

Дженни подождала, когда Сесилия немного освоится – та осматривалась, разинув рот, – потом подвела ее к стоявшему на возвышении письменному столу, за которым высилось массивное кресло. Стол был установлен так, что сидящий за ним человек располагался лицом к двери и спиной к огромным окнам – от пола до потолка, – за которыми ярко светило летнее солнце.

– Сядь, – приказала Дженни тоном, каким обычно отдают команды собакам. – Читай.

Сесилия села и сломала печать, отлично понимая, что никогда не будет полностью готова к прочтению этого письма.

«Моя дорогая Сесилия.

Если ты читаешь это письмо, милая племянница, значит, меня убили...»

Девушка ахнула. Ее пробрала дрожь, хотя в комнате было тепло.

– Но ведь никто ничего не говорил об убийстве. Ты знаешь...

– Не сейчас. Читай, – велела Дженни. – Ты должна подготовиться к встрече с дьяволом. Сесилия озадачилась количеством имен, которые Дженни давала их врагу.

– Как один человек может быть викарием, дьяволом и волком одновременно? – поинтересовалась она.

– Черт возьми, девочка, перестань, наконец, задавать вопросы! Возможно, все ответы ты найдешь в письме. – Дженни в раздражении схватила с полки алую кружевную шаль и накинула ее себе на плечи, после чего принялась мерить шагами кабинет. Ее движения были резкими и энергичными, даже слишком.

Сесилия снова опустила глаза и уставилась на письмо, стараясь взять себя в руки.

«...Я сделала мало хорошего в этой жизни, но спокойно приму все, что меня ожидает, если только буду знать, что мои девочки в безопасности и вместе.

Ты могла слышать обо мне, хотя, может быть, и нет. Я та, кого называли Леди в красном.

Твоя мать Гортензия – моя сестра-близнец. Она младше меня на семь минут. Мы обе были рождены для жизни в нищете, грязи и изнурительном труде. Я избежала этой участи, избрав профессию, в которой сочетались изящество и обман. Гортензия пошла по другому пути. Она связалась с презренным викарием Тигом, который всем сердцем презирал меня и запретил нам общаться. Но мы продолжали тайно видеться, потому что привязанность друг к другу, сформировавшаяся в утробе матери, разорвать невозможно. Этого не сделала даже ее смерть.

Последняя просьба сестры ко мне, милая Сесилия, касалась тебя. Она просила присмотреть за тобой и создать для тебя такую жизнь, которой не имела ни одна из нас. Я на своем веку занималась самыми разными делами и в юности была куртизанкой. Поверь, я не стыжусь этого. И вовсе не такое наследство я тебе оставляю.

Наша сила, девочка, находится не между ногами, а между ушами. Больше я не разбиваю сердца, а собираю долги. Долги, тайны и секреты. Тайны, которые могут поставить эту империю на колени. Секреты, за которые лицемеры и шарлатаны дорого платили, чтобы я их хранила. Я намерена бросить вызов Кровавому Совету, но это – опасная затея. Все те, кто пытался это сделать до меня, убиты. Поэтому если меня не станет, то лишь по этой причине. И я прошу тебя продолжить мое дело...»

Сесилия закрыла глаза, стараясь сдержать слезы.

Воспользовавшись этим, Дженни сняла с нее очки и бесцеремонно напудрила ее лицо.

Кровавый Совет? Сесилия никогда в жизни о нем не слышала. Странно, но вся ее жизнь, похоже, окрашена... почти одним и тем же цветом. Кровавый Совет... Рыжие проказницы... Леди в красном...

Откуда-то издали послышался стук – грохот разнесся по всему дому. Сесилии пришло в голову сравнение с ударами молота Гефеста.

– Господь Всемогущий! – воскликнула Дженни. – Он уже у дверей школы. Он разнесет их, потом явится сюда и сделает то же самое. Поспешите, дорогая.

Сесилия открыла глаза и громко чихнула от резкого запаха пудры. Она принялась чихать и снова чихнула.

– Он не знает, кто ты на самом деле, во всяком случае, пока не знает. – Дженни принялась красить ей губы. – Ты должна стать следующей Леди в красном.

– Кто он? – спросила Сесилия. – И почему я не могу встретить его в собственном облике?

– Ты можешь читать без этого? – спросила Дженни, кивнув на очки.

– Разумеется, – сообщила Сесилия, все еще пребывая в полном недоумении. – Я ими пользуюсь, чтобы смотреть в даль. Без очков я слепа как крот.

Дженни убрала очки, а Сесилия продолжила чтение на этот раз без дополнительных напоминаний.

«...Сесилия, ты должна позаботиться о Фебе. Она твоя сестра во всех отношениях, кроме крови. Если закон найдет ее здесь, она окажется в серьезной опасности. Ты должна любой ценой уберечь Фебу от жестокого отца...»

Девушка раскрыла рот, собираясь спросить Дженни о Фебе, но тут послышалась жуткая какофония голосов: мужские, отдавали резкие приказания, женские протестовали и визжали. Звучали тяжелые шаги, оглушительно хлопали двери. Сесилия почувствовала, что ее сердце пустилось в галоп, а руки предательски задрожали.

– Что мне делать? – жалобно спросила она, неожиданно почувствовав себя маленькой девочкой.

– То, что должна, – сказала Дженни таким тоном, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном. – Делай все, что можешь. Даже если тебе придется предложить ему свою роскошную грудь. Ты меня слышишь? Теперь все зависит от тебя.

Онемев, Сесилия уставилась на свою грудь, прикрытую ярко-красным плащом, который явно указывал на то, что под ним скрывалось нечто более интересное, чем скромное дневное платье.

Когда она подняла голову, Дженни нахлобучила ей на макушку парик, и он был такой светлый, что казался серебристым. Парик добавил по меньшей мере полфута к ее и без того немалому росту, и его украшало такое количество красных бантиков и жемчужин, что любая рождественская елка засохла бы от зависти.

Расправив серебристые пряди на плечах девушки, Дженни наконец слегка расслабилась.

– В таком виде ты действительно похожа на Генриетту – одно лицо. – Она взяла с комода зеркало и поставила перед девушкой.

Взглянув на свое отражение, Сесилия в изумлении раскрыла рот. Сесилия, разумеется, не видела нижнюю часть своего тела, да и верхушка нелепого парика тоже оказалась вне поля зрения, но Сесилия действительно походила сейчас на женщину из прошлого века, наивную простушку при версальском дворе. Ее скулы благодаря румянам казались выше, алые губы – полнее и соблазнительнее, кожа – белее, подведенные глаза – больше, а ресницы – гуще.

И Сесилия совершенно на себя не походила. Более того, она не могла сказать, нравился ли ей ее новый образ.

Снова раздался громкий стук, на этот раз – в дверь, ведущую в сад.

– Откройте! У нас есть ордер на обыск! – раздался мужской голос.

Сесилии почему-то показалось чрезвычайно забавным, что представитель Скотленд-Ярда обладал ярко выраженным шотландским акцентом, а также громовым голосом, от которого, казалось, стены дома дрожали.

«Как волк из сказки», – промелькнуло у нее.

А она, одетая в красный плащ с капюшоном, ожидала, что волк вот-вот ее сожрет.

– Сиди здесь. – Дженни не позволила Сесилии встать с массивного, обитого бархатом кресла. – Не вставай, если только тебя к этому не вынудят. Это твой трон. Твое место силы. Кроме того, ты высокая, как фонарный столб, и уже только из-за этого тебя можно будет узнать. – Она достала из ящика стола кружевную маску и надела ее на девушку, завязав сзади шелковой лентой. – Пошевели мозгами, дорогая, и постарайся от него избавиться. Это все, что от тебя требуется в настоящий момент.

Пожав плечами, Сесилия решила, что не стоило именно сейчас сообщать Дженни, что в опасные моменты ее мозги имели обыкновение отключаться.

– Я даю вам тридцать секунд, чтобы открыть дверь, иначе я ее выломаю, – послышался глубокий низкий голос. – Ничто не доставит мне большего удовольствия.

Что-то в этом львином рыке показалось Сесилии знакомым, так же как пробежавшие по спине мурашки. Этот голос обитал в тайном жилище, расположенном глубже, чем адская кузница.

В том месте, холодном, полном темных пещер и мрачных теней, могло находиться только то существо, единственным смыслом существования которого было наказание виновных.

Дженни поспешно открыла окно и высунула голову.

– Не трогайте дверь, я сейчас спущусь и открою ее.

– Тридцать секунд! – проревел шотландец.

Дженни засуетилась и разгладила ладонями платье. Ее руки заметно дрожали.

– Я почти забыла, какой он огромный, – прошептала она. – По-моему, он в состоянии одной рукой сорвать с петель железные ворота.

Лишив своим замечанием Сесилию последних остатков самообладания, Дженни сделала глубокий вдох, стараясь взять себя в руки, и выбежала из кабинета, не позволив злосчастной наследнице задать ни одного вопроса из тех тысяч, которые уже успели накопиться.

А Сесилию ледяными щупальцами охватил страх, даже не страх, а животный ужас. Ей был известен только один шотландец с громовым голосом и гигантским телом. Но он вроде бы не служил в Скотленд-Ярде... А значит, не мог покинуть кресло судьи высокого суда, чтобы взломать дверь обычного, впрочем не очень-то обычного, игорного дома.

Или мог?

Сесилию вдруг охватила паника. И ей ужасно захотелось сорвать с себя нелепое одеяние и сбежать.

Но она вжалась в кресло, пододвинула его поближе к столу и поплотнее закуталась в плащ. День был жарким и влажным, и под ее весьма объемным париком голова сильно вспотела. Струйка пота медленно стекала по затылку за воротник. Опустив глаза, Сесилия продолжила читать письмо: ей надо было хоть чем-то себя занять. Что толку сидеть и дрожать в ожидании прихода кого-то неведомого и очень страшного?

«... Жаль, что мы никогда не встречались, дорогая. Все эти годы твои письма к Дженни были для меня радостью и утешением. Я давала тебе все, что могла, не раскрывая опасных секретов. Теперь тебе предстоит решить, что с ними делать. Школа, расположенная под игорным домом, – все для меня и для женщин, здесь обитающих. Я знаю, что у тебя доброе сердце. Но мы с тобой одной крови, а значит, в тебе должна быть и стальная твердость. Боюсь, она тебе очень скоро понадобится, о чем я сожалею.

Я рада, что у нас с тобой есть общие черты, одна из которых – увлеченность цифрами, шифрами и формулами. Хранимые мной секреты я не могла доверить никому, даже Женевиэве. Я их все записала в книге, в которой ты также найдешь необходимые свидетельства. Зашифрованные записи находятся в тайнике под верхним ящиком стола, за которым ты сидишь. Открой ящик и набери код на дне. Используй шифр Поллукс, чтобы узнать комбинацию – название твоей любимой поэмы.

Той самой, которая тронула твое сердце, когда тебе было шестнадцать...»

– «Энеида», – прошептала Сесилия.

«... Ключ к шифру, моя девочка, – цвет, с которым связаны мы обе. Удачи тебе, сердце мое, и прощай».

Смахнув подступившие к глазам слезы (плакать с накрашенными глазами – настоящая пытка), Сесилия стала поворачивать наборный диск, заменяя названия эпической греческой поэмы цифрами. Наконец дно ящика отъехало, и в тайнике обнаружилась учетная книга. Сесилия тронула ее пальцем. Блеклый кожаный переплет показался ей неприятным. Взяв книгу, она перелистнула несколько страниц... Одни только цифры, символы, формулы... Возможно, даты. Если она правильно вспомнила шумерские числительные... Или это вавилонская шестидесятеричная система? Нахмурившись, Сесилия отложила книгу.

Из мраморного вестибюля доносились громкие голоса, Дженни и дьявола.

Страх не исчез, но теперь пробудилось и любопытство – очень хотелось разобраться с шифром.

И еще пробудилась та часть ее тела, которую Сесилия изо всех сил старалась игнорировать, когда увидела сцену в саду. Нежное женское естество, трепетавшее от опасности, которую Сесилия чувствовала в приближавшемся мужчине. Иными словами, она была одновременно испугана и возбуждена.

Как странно...

Сесилия поерзала в кресле, больше походившем на трон, и уперлась ногой во что-то мягкое под столом. Но во что именно?

Услышав тихий писк, донесшийся из-под стола, Сесилия негромко вскрикнула. Она резко отодвинулась вместе с креслом и, наклонившись, заглянула под стол.

Сначала она разглядела пару огромных карих глаз, а потом – ангельское личико девочки. Сесилия почти тотчас же поняла, кто это.

– Феба? – спросила она на всякий случай. Почему-то Сесилия решила, что Феба – взрослая девушка. Ей и в голову не пришло, что предстоит заботиться о ребенке.

Девочка молча кивнула, тряхнула кудряшками цвета меда и прижала палец к губам.

Почувствовав себя заговорщицей, Сесилия кивнула в ответ, впервые в жизни пожалев, что совсем мало знала о детях. Она даже не могла понять, сколько девочке лет. Семь, наверное. Хотя глаза казались старше. Но ничего более определенного сказать было невозможно, пока девочка сидела под столом, к тому же частично прикрытая юбками Сесилии.

Судя по звуку шагов, мужчина уже поднимался по лестнице. И слышались громкие протесты Дженни.

Проклятие! Кто такая эта Феба?

«Сестры во всем, кроме крови...» Значит, они не родственницы.

Быть может, эта девочка и есть тот секрет, из-за которого убили Генриетту? И теперь ее, Сесилию, жизнь тоже в опасности? Но если так... От кого же исходила эта опасность? От Викария?

На множество вопросов пока не было ни одного ответа.

– Феба, ты должна оставаться там, – прошептала Сесилия. – И сиди тихо, как мышка, пока эти люди не уйдут.

Девочка невесело улыбнулась и кивнула.

– Очень хорошо. – Сесилия не могла не оценить выдержку малышки. – Меня зовут Сесилия. Генриетта поручила мне позаботиться о твоей безопасности, и я обещаю тебе, что так и будет. – Она никогда не нарушала своих обещаний и очень надеялась, что ей удастся выполнить и это. – Ты можешь посторожить эту книгу, Феба? Книга принадлежала мисс Генриетте, и я не хочу, чтобы она попала в чужие руки.

Снова кивнув, девочка схватила книгу и прижала ее к груди, после чего забралась еще дальше под стол. Сесилия же выпрямилась и спрятала письмо за корсаж платья. В этот момент дверь распахнулась с такой силой, что ударила о стену.

В дверном проеме появился мужчина, заполнивший его целиком.

Если бы Сесилия была склонна к обморокам, то уже валялась бы без чувств на полу. Но она осталась в сознании, хотя у нее закружилась голова. Кровь же моментально отхлынула от конечностей, которые предательски похолодели. Хорошо хоть толстый слой пудры, нанесенный щедрой рукой Дженни, скрыл ее смертельную бледность.

Да-да, Сесилия не ошиблась. Даже без очков она не могла не разглядеть черты его лица. А огромный рост и ширина плеч этого шотландца были вполне узнаваемы. Перед ней стоял лорд Кассиус Джерард Рамзи.

И они с ним почти родственники, поскольку Алекс, которая была для нее даже больше, чем сестра, недавно вышла замуж за его единоутробного брата.

И все же Сесилия о нем мало что знала. Рамзи был человеком таинственного происхождения, строгих принципов и, если верить его заявлениям, абсолютно лишенный каких-либо слабостей.

Она всего дважды разговаривала с ним, и оба раза их общение привело ее в замешательство.

А не так давно в Редмейн-касл Рамзи наблюдал за ней. Хмурился, но смотрел голодными глазами. Смотрел... на трюфели?

Сесилия часто по ночам, лежа без сна, вспоминала тот вечер и двух мужчин, с которыми ей довелось пообщаться. Один – итальянский граф, красивый и вкрадчивый, как дьявол. Его черные кудрявые волосы были изрядно напомажены, и он взирал на нее с чисто мужским интересом.

Второй же, лорд Рамзи – золотоволосый ангел. Доблестный борец за все, что он считал правильным, своего рода паладин, которого несколько веков назад прекрасная дама могла бы послать убить дракона или демона.

А сейчас этот самый мужчина, лорд Рамзи, взирал на нее из дверного проема. Его серебристо-голубые глаза были полны праведного гнева. Сесилия чувствовала на себе его тяжелый взгляд, даже не смотря в его сторону.

В его глазах она являлась драконом, с которым он пришел сразиться и уничтожить.

Как только он вошел, сразу стало холоднее, атмосфера накалилась, и в кабинете воцарилась мертвая тишина. Такая неземная тишина иногда бывает, когда начинает идти снег.

И кабинет тети Генриетты сразу показался Сесилии необычайно мрачным и холодным местом.

Холод, который шотландец принес с собой, совершенно не гармонировал с теплым солнечным светом, проникавшим в комнату через огромные окна. И еще казалось, что на широкой и могучей фигуре этого мужчины элегантный костюм сидел совершенно несуразно.

Нет, пожалуй, она ошиблась. Он несколько не похож на ангела, скорее на варвара. Лорда Рамзи легко можно было представить одетым в шкуры, меха и доспехи – викингом, проливающим кровь за варварских богов. Создавалось впечатление, что мифические боги войны создали его только для того, чтобы сокрушать, завоевывать и править железной рукой. Он заполнял собой все пространство. Господствовал над ним. Он владел землей, на которой стоял, и не приходилось сомневаться в том, что не существовало такой армии, которая могла бы эту землю у него отобрать.

Рамзи сделал несколько шагов вперед, крепко сжимая в руках какие-то документы, словно это был Экскалибур¹.

Онемевшая Сесилия молча всматривалась в его лицо, выражавшее гнев. Оно стало видно отчетливее, когда он подошел ближе. И не было заметно, что он ее узнал.

Сесилия тщетно силилась что-то сказать, понимая, что остроумное язвительное замечание могло бы растопить лед. Но, увы, очевидно, она утратила дар речи.

¹ Легендарный меч короля Артура, которому часто приписываются мистические и волшебные свойства.

А Рамзи швырнул бумаги на стол прямо перед ней. Сесилия опустила на них глаза. Это был ордер... на обыск? Или на арест?

– Вам известно, кто я?! – рыкнул он.

Дженни вошла в комнату следом за ним в сопровождении нескольких констеблей и детектива в темном костюме.

– Все в империи знают, кто вы такой. – Голос Дженни звучал резко, так же как и французский акцент.

Дженни хмыкнула, но промолчала. Сесилия же мысленно воскликнула: «Господи, что я делаю?!»

И Сесилия снова запаниковала. А что если Рамзи все-таки узнал ее голос?

– Важно, чтобы вы точно знали мое имя, – заявил гигант-шотландец.

– Мне известно ваше имя, – проговорила Сесилия.

– Тогда назовите его.

Что-то в голосе Рамзи безмерно взволновало ее, отчасти даже возбудило, и Сесилии пришлось сделать над собой усилие, чтобы успокоиться.

– Вы лорд Рамзи, – сказала она.

– А на какое имя вы отзываетесь?

Сесилия откинулась на спинку кресла. Дышать стало легче.

– Думаю, вам известно, кто я такая, раз уж вы явились в мое заведение, милорд.

Узнал ли он ее? Скрыл ли этот нелепый маскарад ее личность хотя бы временно?

Шотландец поморщился и оглядел комнату с таким выражением, словно вдруг оказался в выгребной яме.

– Такой человек, как я, никак не мог быть представлен женщине вроде вас, – проворчал он.

Значит, не узнал. Сесилия с облегчением вздохнула.

Ее ресницы затрепетали и опустились. Она понадеялась, что Рамзи увидел в этом кокетство, а не капитуляцию.

– Меня называют Леди в красном. Для меня большое удовольствие с вами познакомиться, милорд судья высокого суда. – И она протянула ему руку.

Судья презрительно фыркнул и с отвращением взглянул на ее руку.

– Удовольствие не имеет ничего общего с моим визитом, как видите. – И он кивнул на сопровождавших его констеблей.

– Жаль. Обычно бывает иначе. – Сесилия вдруг обнаружила, что изрядная часть ее страха уступила место возмущению.

– Назовите ваше имя, – процедил Рамзи сквозь зубы.

– Думаю, я уже это сделала.

– Назовите имя, данное вам при крещении.

– Я не христианка, – заявила Сесилия.

Судья гневно посмотрел на нее, и она, пожав плечами, пояснила:

– Церковь создана людьми, пожелавшими говорить от имени Бога. Я же нашла другие способы общения с Господом. Между прочим... – Сесилия драматическим жестом прижала руку к груди. – Но скажите, почему вы так стремитесь познакомиться с женщиной, которую столь откровенно презираете?

– У меня нет желания знакомиться с вами. – Шотландец подался вперед и, чуть наклонившись, оперся своими огромными руками о стол, их разделявший. Злобно уставившись на Сесилию своими серебристо-голубыми глазами, он продолжил: – Но мне необходимо узнать имя моего врага, чтобы знать, кого проклинать, когда я наконец уничтожу его.

Глава 3

Охваченная чувством тревоги, Сесилия молча смотрела в холодные глаза судьи. Она прекрасно понимала, что под столом у ее ног прятался невинный ребенок, державший в руках книгу со смертельно опасными секретами. А тем временем Дженни всем своим видом призывала Сесилию к осторожности. Более того, все находившиеся в комнате смотрели на Сесилию и ждали, что она предпримет, что скажет могущественному грубияну, навалившемуся на ее стол.

Его ноздри раздувались, а на виске пульсировала жилка. Сесилия чувствовала его жаркое дыхание, словно перед ней стоял огнедышащий дракон. И она машинально отметила, что этот самый дракон на обед ел что-то сладкое и пил кофе.

Их объединяла любовь к кофе. Интересно, что еще у них общего, у нее и ее врага? Но с какой стати они должны оставаться врагами? Если она назовет себя и объяснит ситуацию, он, возможно, смягчится. Или нет?

Вероятно, нет. Его лицо казалось высеченным из камня и являло собой полную бескомпромисность. Викарий Порока – заклятый враг ее тетушки. И тот факт, что его брат, герцог Редмейн, был хорошим человеком, вовсе не означал, что лорд Рамзи являлся таким же.

Сесилия уже давно поняла, что многие мужчины использовали благочестие, чтобы скрыть свою жестокость.

И в таком случае... Что ж, если этот человек желает быть ее врагом, ей самой придется его уничтожить.

Конечно, убивать его она не собиралась.

Собрав в кулак всю свою волю, Сесилия с уважением и вежливостью проговорила:

– Можете называть меня Гортензией Фислдаун. – Она назвала имя своей матери от отчаяния, поскольку на ум упорно не приходило ничего другого. И было ясно, что отныне это имя будет звучать в устах лорда Рамзи как ругательство. Что было очень неприятно.

Интересно, а как звучало бы в устах шотландца ее настоящее имя?

Ох, совершенно неуместная мысль! Сесилия энергично помотала головой, желая от нее избавиться.

– Могу я предложить вам сесть, милорд? А я пока ознакомлюсь с вашими документами. – Она указала на один из трех изящных стульев, стоявших перед ее столом, не сразу сообразив, что ни один из них не выдержал бы такого веса. – Дженни, быть может, ты предложишь его светлости и его помощникам чай и легкие закуски?

Дженни выглядела так, словно ей предложили проглотить содержимое ночного горшка.

Констебли явно оживились при упоминании о еде, но тут же сникли, увидев возмущение Рамзи.

– Вы ведете себя нелепо! – воскликнул судья. – Это не визит вежливости, мадам. – Он оглядел комнату с таким выражением, будто предпочел бы оказаться в выгребной яме Уайт-чепела, беднейшего лондонского района, чем в элегантном кабинете тетушки Генриетты. – Я намерен по возможности ни к чему здесь не прикасаться. Кто знает, какие порочные деяния имели здесь место?

– Помилуйте, что порочного можно сделать на такой изящной и хрупкой мебели? – удивилась Сесилия, указав на небольшой диванчик в стиле Людовика XIV и стулья на тонких изогнутых ножках. – Она отметила, что констебли украдкой заулыбались.

Рамзи взглянул на упомянутые предметы мебели, потом снова на Сесилию, и в его глазах вспыхнул гнев. Ее вопрос явно разозлил его. Но во взгляде судьи было и что-то еще... Возможно, какие-то чувства, которые он усилием воли обуздал.

– Не в ваших интересах насмехаться надо мной, мадам, – проговорил Рамзи.

– Что вы, у меня и в мыслях не было ничего подобного, – почти искренне сказала Сесилия. – Но я могу поклясться, что единственными непотребствами, которые видела эта комната, являются налоги и бумажная работа. – Она мило улыбнулась. По крайней мере, надеялась, что улыбка получилась милой, в то время как ее разум метался в попытке решить задачу со всеми неизвестными.

Шотландец промолчал, и Сесилия добавила:

– Пусть это не визит вежливости, но мы, милорд, вполне можем оставаться цивилизованными людьми, разве нет?

Лорд Рамзи злобно прищурился.

– Обыщите здесь все, – приказал он констеблям.

И они приступили к делу: снимали книги с полок и трясли их, чтобы удостовериться, что ничего не спрятано между страницами. Затем стали выдвигать ящики из комодов, потом передвигали мебель.

А Рамзи стоял среди этого хаоса абсолютно неподвижно. Стоял, заложив руки за спину и не сводя глаз с Сесилии.

– Цивилизованными!.. – фыркнул он. – То, что связано с вами, никак нельзя отнести к цивилизованности.

– Здесь я с вами не соглашусь, – заявила Сесилия. Это было, вероятно, самое спорное утверждение в ее жизни, но все последние события ужасно ее нервировали, и она уже плохо себя контролировала. – Имейте в виду, милорд, бо́льшая часть цивилизованного общества проводит свободное время именно здесь.

Взгляд судьи был полон враждебности, даже ненависти, и Сесилия почувствовала, что больше не может на него смотреть. Странно, что человек с такой дикарской наружностью обвинял ее в грубости...

Чтобы хоть чем-то заняться, она взяла ордер, с трудом проглотила подкативший к горлу комок и начала читать.

– Так значит, Гортензия Фислдаун... – проговорил Рамзи, чем отвлек ее от чтения. – Вы родственница Генриетты? Не знал, что у нее есть близкие люди. Вероятно, она прятала вас во Франции, не так ли?

Сесилия неопределенно пожала плечами. Фамилия ее матери была Смит. Фислдаун – скорее всего, очередная маска Генриетты, такая же как парики и косметика.

Как бы то ни было, Сесилия не могла ответить на вопрос судьи, поэтому не стала этого делать и принялась просматривать документы. Оказалось, что полиция обыскивала ее дом в связи с исчезновением маленькой девочки по имени Катерина Милович. Эту русскую эмигрантку еще недавно видели на улицах Лондона. Теперь же она числится, как шестая пропавшая за последнее время девочка. Причем всем, кто исчез, было около тринадцати лет.

– Почему вы возглавили это заведение после смерти Генриетты? – неожиданно спросил Рамзи. – Я раньше вас здесь не видел и всегда считал, что мисс Лево станет преемницей Генриетты.

Сесилия досадливо поморщилась.

– Не мешайте. Позвольте мне дочитать.

Согласно документам владелица школы для культурных молодых леди подозревалась в похищении детей и продаже их невинности клиентам за баснословные суммы.

Лорд Рамзи на несколько секунд действительно замолчал. Ему требовалось некоторое время, чтобы оправиться от негодования.

– Вы очень смелы, мадам, если позволяете себе делать мне замечания, – проворчал он.

У Сесилии заметно дрожали руки, впрочем не от страха, а от возмущения. Она отбросила от себя бумаги, словно мерзкое насекомое.

– Здесь сказано, что меня подозревают в сводничестве. Что я похищаю девочек и продаю их... их... – Сесилия никак не могла заставить себя произнести нужное слово. Мешало присутствие маленькой девочки под столом. – Их девственность, – выговорила она наконец. – Продаю тем, кто их ее лишает!

– Не изображайте невинность, мадам, – сказал Рамзи. – Все титулованные и богатые мерзавцы отлично знают, что происходит в этой так называемой школе.

Сесилия вновь заговорила. И теперь она тщательно подбирала слова.

– Скажите, милорд, что заставляет вас связывать этих пропавших девочек с моей тетей или со мной? Даже если предположить, что я занимаюсь подобной торговлей, – что я, разумеется, категорически отрицаю, – вы не можете никого обвинить без убедительных свидетельств.

– У меня есть информатор, – завил Рамзи.

Дженни не в силах более сдерживаться, набросилась на судью.

– Ты, лживый боров! – закричала она. – Мы помогаем девушкам, которые к нам приходят, а вовсе не принуждаем их к проституции.

Констебль схватил Дженни, завел ей руки за спину и потащил к двери.

Сесилия задумалась, с силой прикусив губу, и тотчас почувствовала неприятный металлический привкус крови во рту.

– Если то, что вы говорите, правда, то разве не должен этот свидетель упоминаться в документах? – проговорила она.

– Нет, не *свидетель*, а именно информатор. – Судья скрестил руки на своей широченной груди.

– Значит, вы подписали ордер на основании слухов?

– Я подписал ордер, потому что этих маленьких девочек необходимо найти! – взревел Рамзи. Его громадный кулак с размаху опустился на стол, и Сесилия почувствовала, как малышка Феба в испуге вцепилась в ее юбку.

Сесилия окинула оценивающим взглядом внешность противника: угрожающая поза, раздувающиеся ноздри, звериный оскал, демонстрирующий острые клыки.

«Нет, это не волк, – решила она. – Скорее лев. Возможно, немейский лев: золотистая шкура защищает от любого оружия, а когти острее ножей. Потребуется Геракл, чтобы справиться с ним. В этом можно было не сомневаться».

Да поможет ей Бог, но она теперь оказалась в пасти у льва.

Тяжело вздохнув, Сесилия выпрямилась и проговорила:

– Буду откровенна, милорд, я не слишком хорошо знала Генриетту, и мне далеко не все о ней известно. Но могу твердо обещать: пока я являюсь собственницей этого заведения, у вас не будет повода подозревать меня в столь отвратительных деяниях. Более того, я использую все средства, имеющиеся в моем распоряжении, чтобы помочь вам отыскать пропавших девочек. – Она взглянула на Дженни, которую все еще удерживал констебль, в поисках одобрения.

Сесилия не испытывала полной уверенности в своей тетке и в глубине души допускала, что эта женщина, в свое время спасшая ее, могла быть монстром. Тем не менее Сесилия искренне надеялась, что подозрения судьи совершенно беспочвенны.

Рамзи наклонился к ней поближе.

– И я должен поверить словам такой женщины, как вы?

– Слова – это все, чем я располагаю в данный момент. Только время докажет, что вы можете мне доверять.

– Доверять *вам*? – Рамзи уставился на нее в изумлении. – Я думаю, что вы – волчица в овечьей шкуре, мисс Фислдаун.

– Это все же лучше, чем овцы в волчьей шкуре, – парировала Сесилия. – Я имею в виду вас, политиков, вечно блеющих, сбивающихся в стадо и к тому же еще и рычащих, словно у вас есть зубы, чтобы укусить.

Лорд Рамзи побагровел от ярости, и на лбу его вздулись вены.

– Да как ты смеешь..?

– Как я смею? – переспросила Сесилия. – Мне приходилось есть сыр, в котором было меньше дыр, чем свидетельств в вашем так называемом ордере. – Она аккуратно сложила документ и отбросила на край стола. – Более того, можно задаться вопросом: а что здесь делает судья высокого суда? Что заставило его подняться со своего кресла и пугать своими жуткими криками уважаемых молодых леди из моей школы? В ваших действиях явно прослеживаются политические мотивы человека, рассчитывающего стать следующим лордом-канцлером. А я категорически отказываюсь приносить себя в жертву вашим амбициям.

Лорд обошел стол, и Сесилия внутренне содрогнулась. Судья же, ткнув пальцем в стену, отделявшую жилые помещения от школы, в гневе проговорил:

– Я намерен дать вам то же обещание, что и мерзкой гарпии, вашей предшественнице. – Рамзи навис над ней, и Сесилии понадобилась вся ее выдержка, чтобы не вскочить и не обратиться в бегство.

Она сидела, глядя прямо перед собой, не осмеливаясь поднять на шотландца глаза. Ей казалось, что, взглянув на него, задрожит как осенний листок.

Кроме того, задрвав голову, Сесилия рисковала потерять парик.

Следующие слова судьи пронзили ее словно острое копье:

– В городе пропал ребенок, и я готов выбивать двери всех заведений, подобных вашему, пока не найду преступников. – Рамзи оперся одной ручищей о стол, другой – о спинку кресла, после чего наклонился, так что его губы оказались в непосредственной близости от ее уха. – И знайте, я повешу любого, кто окажется виновным в растлении детей и, возможно, в убийстве. – Дыхание Рамзи было очень горячим, оно обжигало ухо и шею Сесилии, и по спине ее пробежали мурашки. Сладкий аромат его дыхания, смешанный с запахом хвойного одеколона и еще чего-то странного, мускусного, взбудоражил ее и лишил возможности здраво рассуждать, но только на время, до следующих его слов: – Мне наплевать, какую шею сдавит веревка палача: шею заросшего волосами разбойника, элегантного денди или изысканной женщины. Конец все равно один.

Сесилия с трудом удержалась от инстинктивного желания схватиться рукой за горло. Она опасалась, что подобная реакция докажет ее вину.

А Рамзи, выпрямившись, сказал:

– Передайте мне все бухгалтерские книги и счета с именами клиентов.

– Мне ничего не известно о таких документах, – честно ответила Сесилия и тут же воскликнула: – Что вы себе позволяете?!

Рамзи выдвинул ящик ее стола и принялся в нем рыться.

– Я имею полномочия искать везде, – заявил он. – Вы можете оставаться там, где сидите, но держите руки на виду.

Сесилия подчинилась, стараясь не обращать внимания на струйки пота, стекавшие между грудями и по затылку, чему способствовало слишком много обстоятельств: парик, слишком теплый капюшон плаща, ребенок у ее ног и страх, ведь лорд Рамзи мог найти то, что искал. В конце концов, она по-настоящему не знала Генриетту. Не успела узнать.

Но ей очень хотелось надеяться на лучшее.

– Здесь есть тайник. – Рамзи склонился над ящиком. Он довольно быстро отыскал наборный диск, и на его физиономии отразилось торжество.

– Какой код?

– Энеида, – ответила Сесилия.

Судья какое-то время пристально смотрел на собеседницу, потом открыл тайник и убедился, что тот пуст.

– А что тут было?

– То, что Генриетта хранила до моего появления здесь, – честно ответила Сесилия.

Она оказалась на волосок от истерики, когда сэр Рамзи отодвинул ее кресло, чтобы выдвинуть ящик, расположенный прямо перед ней.

И неизвестно, что шокировало ее больше – то, что он с легкостью, одной рукой, отодвинул кресло вместе с ней, или же внезапное, совершенно абсурдное желание потрогать волосы Рамси, пока он шарил в ящике.

В ящике же оказались только письменные принадлежности, бумага и увеличительное стекло. Сесилия с облегчением вздохнула.

– Ничего интересного, милорд, – доложил констебль. – В спальнях тоже. Разве что вы пожелаете конфисковать вот это... – И он показал судье какую-то книгу.

Сесилия прищурилась, но не смогла разобрать без очков название.

– Дайте сюда! – потребовал Рамзи.

Констебль тотчас передал судье книгу. Тот открыл ее, издал какой-то звук, вероятно, выражавший возмущение, – и отбросил в сторону. Словно она обожгла ему пальцы.

Сесилия, не удержавшись, хихикнула. Книга открылась на эротической иллюстрации. Там были изображены мужчина, стоявший прямо, и женщина, опустившаяся перед ним на колени, а его мужское достоинство находилось у нее во рту. Под иллюстрацией были приведены подробные инструкции для подобных развлечений.

Не по своей воле, но все же с большим интересом Сесилия прочитала инструкции.

– Что это значит?! – взревел Рамзи, глядя на своих подчиненных. – Вы считаете, что сейчас подходящее время для подобных вещей?!

– Нет, что вы, милорд! – старший констебль смеялся, а его сослуживцы прилагали титанические усилия, чтобы не рассмеяться. – Я просто подумал... Зачем здесь подобная книга, если мисс Фислдаун действительно содержит респектабельную школу? Такая литература более уместна в будуаре куртизанки.

Вполне удовлетворившись объяснением констебля, Рамзи с подозрением посмотрел на Сесилию.

– Действительно, неужели подобная грязь необходима для воспитания культурных молодых леди? – осведомился судья.

подавив желание захлопнуть книгу, Сесилия принялась листать ее, рассматривая иллюстрации. Далеко не на всех были изображения только двоих любовников. Испытывая тошноту, девушка с вызовом заявила:

– Это мой личный кабинет. И моя личная книга. Ее читаю только я одна.

Смешки констеблей, кашель и прочие сдавленные звуки свидетельствовали о том, что ее уловка увенчалась успехом.

– Итак... – Она захлопнула книгу. – Вы закончили с вашим обыском?

Рамзи посмотрел на нее сверху вниз. Глаза его сверкали гневом.

– Нет, мои люди продолжают работать. Обыск может продлиться весь день. И даже всю ночь. А потом мы поставим стражников у ваших дверей на случай, если здесь появится Катерина Малкович. Полагаю, вы понесете большие финансовые потери. Не правда ли?

Но потеря доходов в этот момент меньше всего волновала Сесилию.

– Делайте что хотите, сэр. Все равно вы здесь не найдете девочку с таким именем.

– Хотите сказать, что вы ее уже продали?! – встрепенулся Рамзи. – Или держите в другом месте?

Сесилия с вызовом вскинула подбородок.

– Я считаю ниже своего достоинства отвечать на подобные нелепости. – В основном потому, что она понятия не имела, что происходило на самом деле. Но если бы вдруг убедилась в правдивости подобного заявления, все равно не стала бы пытаться избежать последствий. В том и состоял ее долг перед тетей.

– Скажите мне, мисс Фислдаун... – Рамзи отступил, словно ему было противно находиться с ней рядом. – Скажите, куда вы собрались?

– Собралась?.. – переспросила Сесилия.

Взгляд судьи скользнул по ее завернутой в плащ фигуре, и ей на миг показалось, что он мог видеть сквозь одежду.

– На вас плащ. Значит, вы или куда-то собрались, или что-то прячете под плащом. Вас обыскать? – осведомился Рамзи.

Странные нотки, прозвучавшие в его голосе, заставили сердце девушки пропустить один удар.

– В вашем ордере не сказано, что вы имеете право на личный обыск. – Она неотрывно смотрела на его руки, точнее ручищи. Его кулаки напоминали молоты, такие же огромные и устрашающие. Причем костяшки пальцев были покрыты застарелыми шрамами. Следы насилия в прошлом? – И кстати, – с трудом выдавила Сесилия, – джентльмену не пристало обсуждать одежду леди.

– Вы не леди, – фыркнул Рамзи.

– Возможно. Но что, скажите на милость, будет со мной, если я ворвусь в зал суда и потребую показать, что у вас под робами и белыми париками? Скорее всего, меня повесят или подвергнут какому-нибудь суровому наказанию.

Судья резко взмахнул рукой, словно проводил невидимую границу между ними.

– Вы позволяете себе сравнивать ваше занятие с моим?

– Что вы, у меня и в мыслях такого не было, милорд. Мое – намного честнее, древнее, и если иметь в виду исторический аспект, это занятие является более важным для империи.

– Это неслыханно! – воскликнул судья.

– Почему же? Вы, собственно, о чем?

Глаза Рамзи вспыхнули торжеством.

– Значит, вы, Гортензия, признаете, что являетесь содержательницей борделя, шлюхой?..

– Мой дорогой представитель правосудия, я, разумеется, говорила об образовании, которое мы даем юным леди. Каждая великая империя только выигрывает, когда начинает давать образование женщинам. – Она улыбнулась. – А теперь... Прошу вас, уходите, чтобы я могла продолжить работу. И прошу вас, в следующий раз, когда вам придет в голову нанести мне визит, ведите себя приличнее. – И снова мило улыбувшись, Сесилия указала на дверь, невзирая на комнату, по которой только что будто прошелся ураган, оставивший все в полнейшем беспорядке.

Рамзи развернулся и, перешагивая через перевернутую мебель, устремился к выходу. Он придержал дверь, пока комнату один за другим покидали констебли, причем некоторые из них старательно прятали улыбки. И все они казались разочарованными.

Сесилия не поддалась желанию закружиться радостно по комнате, праздную победу. Увы, сегодня она не приобрела друзей. Ей удалось одурачить полицию, но это не способствовало росту ее популярности.

Прежде чем переступить порог, Рамзи оглянулся.

– В следующий раз я приду с наручниками и кандалами! – рыкнул он. И захлопнул за собой дверь с такой силой, что снова задрожали стены.

– Чтоб меня черт побрал! – воскликнула Дженни. Ее глаза восторженно блестели. – Ты была великолепно!

– Правда? – Теперь Сесилию била дрожь, такая сильная, что парик съехал на бок.

– Боже правый, а я-то считала тебя синим чулком. Но оказывается, у тебя есть не только мозги, но и дерзость. А французский акцент? Откуда?..

Сесилия пожала плечами.

– Мой дворецкий – француз. – Она встала, подошла к окну и увидела, как сэр Рамзи сидел в весьма впечатляющий экипаж. Сесилия не могла не отметить, что двигался он с грацией, как правило, не свойственной людям таких габаритов. – Вот что, Дженни... – проговорила Сесилия, и в ее голосе послышалась непривычная резкость. – Дженни, прошу тебя, скажи мне, что они ничего не найдут. Если ты будешь правдива, обещаю тебе полную безопасность. Никаких карательных мер. Обещаю тебе очень хорошо платить, но я обязана знать правду. Генриетта была содержательницей борделя? Здесь кто-нибудь удерживался против воли? Я должна как-то искупить ее вину, если она действительно занималась подобными делами.

– Помолчи, дорогая. – Дженни подошла к девушке, взяла ее за руку и пристально посмотрела ей в лицо. – Загляни мне в глаза, и ты узнаешь правду. Женщины, работающие здесь, одеваются вызывающе и, как Лили, иногда спят с клиентами, а мы стараемся этого не замечать. Вот и все. Поверь, здесь... не бордель. И уж точно мы не продаем и никогда не продавали детей.

Сесилия всматривалась в лицо пожилой женщины, которое все еще не потеряло привлекательности. Его выражение было очень серьезным и абсолютно искренним. Спасительница... Друг...

Сесилия молча кивнула, и Дженни, улыбнувшись, прижалась губами к ее руке, потом сняла с головы девушки парик и снова улыбнулась.

Сесилия с облегчением вздохнула. Как же приятно избавиться от столь обременительного украшения. Сняв плащ, она радостно улыбнулась. А Дженни налила из кувшина в таз воды и намочила чистую тряпку, чтобы Сесилия могла вытереть пот. Девушка же, наклонившись, заглянула под стол.

– Феба, дорогая, можешь выбираться оттуда, – сказала Сесилия. – Злые дяди ушли.

Девочка сначала осторожно выглянула из-под стола. Ее черты немного расплывались, поскольку Дженни еще не вернула Сесилии очки. Малышка осторожно потрогала белый передник, надетый поверх черного траурного платья Сесилии.

– Если вам все равно, мисс, я предпочла бы остаться здесь, – сказала она. – Но вот ваша книга. Мы ведь не позволили ему найти ее, правда?

– Конечно. – Сесилия взяла книгу и в задумчивости посмотрела на девочку. Она понимала, что здесь не место для ребенка. Все же по соседству игорный дом... Да и грубые представители закона позволяли себе слишком много. О чем только Генриетта думала? – Дорогая, разве тебе не одиноко там? Почему ты не хочешь выбраться? Мы с тобой могли бы познакомиться...

Девочка помотала головой.

– Нет, здесь мои лучшие друзья – Фрэнсис Бэкон и Фанни де Бофор. – Она показала двух кукол: у одной были золотистые волосы, у другой – рыжие. – Они для меня отличная компания. И они разговаривают только со мной. Так сказала мисс Генриетта. Я, может быть, и хотела бы выйти, но они пока не готовы встретиться с вами.

Сесилия с улыбкой кивнула. Она все поняла.

– Тебе повезло, что ты нашла друзей, – проговорила Сесилия почему-то неестественно веселым голосом, хотя сама всегда презирала людей, обращавшихся к детям таким образом.

Девочка робко подняла на нее глаза и спросила:

– А у тебя есть такие друзья, как Фрэнсис и Фанни?

– Да, конечно. – Сесилия мечтательно улыбнулась, с теплотой подумав о Рыжих проказницах. – Мои две лучшие подруги: Франческа Кавендиш, графиня Мон-Клэр, и Александра Атертон, герцогиня Редмейн. Мы познакомились еще в школе и образовали клуб для девочек с рыжими волосами – клуб Рыжих проказниц. Мы – отличная компания, и часто устаем от незнакомцев, прямо как твои Фанни и Фрэнсис. Думаю, мои подруги тебе понравятся.

Внезапно сердце Сесилии пронзила резкая боль. Чтобы как-то смягчить тоску и одиночество своего детства, она придумывала себе друзей, даже пыталась лепить их из земли, кото-

рой в погребке, где ее так часто запирали, было в избытке. Иногда она видела своих друзей в тенях, таившихся по углам в лунные ночи. Сесилия создавала их собственным воображением и наделяла яркими характерами. Она даже разговаривала с ними и смеялась. Они были для нее отличной компанией. С ними она чувствовала себя в безопасности, когда в шуме ветра ей слышались завывания духов; и они же спасали ее от демонов, которые, согласно уверениям викария Тига, всегда окружали ее и ждали подходящей возможности, чтобы утащить ее душу в ад. Или, хуже того, овладеть ее телом.

Сесилия бы сошла с ума без этих воображаемых друзей. И тогда бы уже никогда не выбралась из тьмы.

А общения с людьми она в детстве была лишена.

Феба какое-то время внимательно рассматривала ее, потом снова спрятала своих друзей под стол.

– Если ты захочешь привести Франческу и Александру, для них здесь тоже найдется место, – сообщила она. – Здесь они будут в безопасности.

У Сесилии предательски екнуло сердце. Этот милый ребенок не сомневался, что ее подруги тоже куклы.

И Сесилия вдруг поняла, что теперь на ее плечах немалый груз. Ведь отныне ей придется отвечать за эту малышку, которой она должна была заменить мать. И оказалось, что груз ответственности очень тяжел, намного тяжелее, чем недавнее общение с Рамзи.

У Сесилии никогда не было настоящих родителей; единственный человек, который испытывал к ней отеческие чувства, был Жан-Ив. Но, если разобраться, француз не имел по отношению к ней никаких обязательств – был обычным наемным работником, пусть даже любимым. Да, Сесилия любила его как отца, но и она же платила ему жалованье и давала поручения. Жан-Ив был ее доверенным лицом и советчиком, но никогда не имел над ней власти.

Как правило, он помогал, проявляя при этом истинно галльскую выдержку, воплощать в жизнь все новые планы, которые придумывали Рыжие проказницы. Пока у него были вино, трубка и газеты, он оставался добродушным и веселым. Его привязанность была грубоватой, но теплой и открытой. Он стал опекать Сесилию, когда она была чуть старше Фебы, и без него Сесилия чувствовала бы себя бесконечно одинокой.

О, как же ей сейчас не хватало его советов! Сесилия решила еще раз попытаться выманить девочку из-под стола.

– Боюсь, дорогая, Франческа и Александра туда не поместятся. Видишь ли, они – настоящие... – Сесилия умолкла на мгновение, сообразив, что для Фебы Фрэнсис и Фанни вполне настоящие. – Мои подруги взрослые, как я, и у них есть свои дома. Сегодня я отправляюсь на вечер в дом герцога, чтобы повидаться с ними. Неужели тебе не хочется надеть красивое платье и пойти вместе со мной?

– Но ведь судья вернется, – тихо пробормотала Феба и покачала головой. – Он сам сказал, что в следующий раз принесет с собой кандалы и наручники.

– Сегодня лорд Рамзи точно не вернется, дорогая, – пообещала Сесилия.

– Откуда ты знаешь?

Сесилия молчала; не сразу нашлась с ответом. Конечно, она не могла знать наверняка, что у судьи в голове. И вдруг Сесилия разозлилась на него. Очевидно, у Рамзи были давние неприязненные отношения с Генриеттой, однако, насколько ей было известно, он никогда не был знаком с Гортензией – и все же относился к ней с презрением.

Подумать только! Ее лучшая подруга замужем за единоутробным братом этого грубияна! Но лорд Рамзи и герцог Редмейн были абсолютными противоположностями, как обратные числа. Причем Рамзи, безусловно, являлся числом отрицательным. И даже меньше!

Он во всем уступал герцогу. Кроме, разве что, комплекции. По оценке Сесилии, разумеется. Рамзи был тяжелее герцога и немного выше. Да и внешне был немного привлекательнее,

но лишь потому, что лицо Редмейна изуродовал ягуар. Нет-нет, она вовсе не находила Рамзи привлекательным, просто всегда старалась быть объективной.

Судя по всему, Рамзи также был более успешным оратором. И если голос Редмейна можно сравнить с бархатом, то в голосе Рамзи звучали глубины, которые... Впрочем, голос у него был слишком громкий и немного скрипучий. Сесилии пришло на ум сравнение с каменными глыбами, которые обрабатывают, чтобы построить собор. Они грубые на ощупь, но прочные и весомые. И их не разбить.

Тут Дженни протянула Сесилии влажную тряпку и жестом указала на дверь в смежную комнату.

Сесилия с благодарностью улынулась.

– Посиди здесь еще немного, Феба, и присмотри за своими друзьями. А я скоро вернусь, – сказала она девочке.

Малышка молча кивнула.

Обходя перевернутую мебель, Сесилия пошла следом за Дженни, и, оказавшись в ванной, взглянула на себя в зеркало и поморщилась: ей, наверное, тоже следовало бы залезть под стол. Сесилия энергично потерла лицо мокрой тряпкой и с облегчением вздохнула, увидев в зеркале знакомые черты.

– Ты должна извинить Фебу, дорогая. Она застенчивая маленькая девочка, – объяснила Дженни. – Генриетта любила ее как собственную дочь и безбожно баловала, но очень редко выпускала из этого дома.

– Ты знаешь, кто отец Фебы? – спросила Сесилия, вытаскивая булавки из волос.

– Это еще одна тайна, которую Генриетта унесла с собой в могилу. Возможно, там что-то написано. – Дженни указала на зашифрованную книгу.

– Может быть. – Сесилия взяла щетку для волос и принялась расчесываться. Потом стянула волосы в узел и аккуратно заколола. Решив, что так она выглядит не в пример лучше, продолжила расспросы: – А может, он как-то связан с убийством Генриетты?

– Кто, Рамзи? Или отец Фебы?

– Оба. – Сесилия нахмурилась.

– Кто знает?.. – пробормотала Дженни. В глазах ее стояли слезы. – Это заведение уже давно привлекает людей богатых и могущественных. Здесь чаще заключали сделки, чем играли в покер и рулетку. За нашими столами велась торговля, заключались политические и деловые, а иногда и преступные сделки. Здесь выигрывали целые состояния и теряли их. Не исключено, что жизни тоже покупались и продавались. Никто из нас не может чувствовать себя в безопасности, пока не будет разгадана загадка, оставленная тебе Генриеттой. Главное – понять, кто наши враги.

– Ну что ж... – Сесилия воткнула в волосы последнюю заколку, взяла из рук Дженни очки и водрузила их на нос. Окружающий мир снова обрел четкость. – По крайней мере одного врага мы знаем. И в следующий раз он не застанет нас врасплох.

– Да-да, не застанет. – Дженни энергично закивала.

– Кроме того, я хочу найти пропавших девочек. – Сесилия прикусила губу. – Наш долг – помочь в поисках.

– Моя дорогая, послушай. – Дженни взяла Сесилию за руку. – Ты должна забыть о Катерине Милович. Это, конечно, ужасная трагедия, но девочки уже наверняка нет в живых. Маленькие дети нередко исчезают. Их крадут мужчины, извращенцы... Их иногда находят живых, но... но уже после того, как негодяи сделали то, что хотели. Мы ничем не можем им помочь.

Сесилия едва не заплакала от сознания собственного бессилия.

– Но хоть что-то мы можем... Должны сделать. – Сесилия взяла книгу и спрятала ее в карман юбки. Сначала она наймет дополнительный персонал, чтобы придать заведению надле-

жащий вид. А потом выманит Фебу из-под стола, пообещав отвезти в свою квартиру в Челси, где мужчины с кандалами ее не найдут.

Когда же девочка окажется в безопасности под присмотром Жан-Ива, можно будет заняться остальными делами.

Чтобы добиться успеха, Сесилии придется добыть как можно больше информации о сэре Кассиусе Джерарде Рамзи, потому что он не скрывал своих намерений.

К счастью, она сегодня приглашена на ужин к его невестке. Так что можно будет спросить ее и, возможно, что-нибудь выведать об этом человеке.

Глава 4

Рамзи откинулся на подушки экипажа и принялся яростно отчитывать себя. Проклятие! Опять он не сумел с собой совладать! И все из-за той ужасной книги. Да-да, именно из-за книги, а вовсе не из-за женщины, которой она принадлежала. Женщина тут совершенно ни при чем. Он вовсе не желал Леди в красном.

Он, Рамзи, – мужчина, шотландец. И изображения во всех подробностях сцен разврата стали для него искушением, которому он поклялся больше никогда не поддаваться. Рамзи как-то сразу вспомнил позиции, которые предпочитал в постели, и ему захотелось познать нечто новое, доселе неизведанное. Он так давно обходился без женщины!

А эта Гортензия Фислдаун переворачивала страницы мерзкой книги и проводила пальчиком в шелковой перчатке по богопротивным иллюстрациям с таким интересом, словно видела их впервые. Она вела себя учтиво, но ее ярко накрашенные губы слегка приоткрылись, будто изображения непристойностей взволновали ее.

Или они подействовали на нее так же, как и на него? Может, она тоже испытала прилив желания?

Ему ужасно хотелось увидеть ее лицо без маски, парика и краски. Какая у нее кожа под слоем пудры? Какого цвета волосы? Ее фигура действительно такая пышная, какой он ее представлял под бесформенным плащом, или в нужных местах плащ подбит для усиления эффекта?

Хотя Рамзи терпеть не мог людей такого сорта, иллюстрации в книге вызвали в его душе бурю эмоций. Они внезапно вторглись в его мысли, угрожая свергнуть с моральных высот, где он пребывал уже лет восемь.

Берет ли нынешняя Леди в красном богатых любовников, как это делала ее предшественница?

Пальцы Рамзи судорожно вцепились в обивку сиденья. Всем своим существом он отвергал последнюю мысль, вкрадшуюся в его душу словно эдемский змей.

Он не должен думать об этом, не должен тосковать по такой женщине, не должен жаждать ее.

Рамзи пытался заставить себя забыть эти губы, не думать о том, как они могли бы сомкнуться вокруг его естества, оставив на нем следы помады.

Проклятие! Его дыхание стало прерывистым, а все тело напряглось.

Нет, эта женщина слишком многоопытна. Иными словами, ею пользовались многие. А значит, она не должна искушать его. Рамзи неизмеримо выше этого. Женщина, избравшая такую профессию, рано узнает, как желает любой мужчина такого акта, когда его мужское достоинство ласкают губами. И она может одними только движениями губ и языка лишить мужчину разума.

От Леди в красном исходил особый аромат: не французский цветочный или дорогой мускусный, а сладковатый ванильный с примесью каких-то специй. Один только этот аромат вызывал чувственный голод.

И ведь эта женщина определенно умна, что делало ее еще более желанной. Она, конечно же, вывела его из себя, но где-то в глубине его существа осталось и удовольствие от их перепалки. Брошенный ею вызов пробудил его, заставил почувствовать себя живым.

Она – вероломная гадюка, вампир! Эта женщина, скорее всего, продала свою душу дьяволу вместе с невинностью юных девушек.

Последняя мысль моментально отрезвила его и погасила желание.

Рамзи не позволит ввести себя в заблуждение, он не должен чувствовать к ней ничего, кроме отвращения. Поэтому и не чувствует в отличие от тех людей, с которыми проводил сегодняшнюю операцию.

Титулованные лорды и богатые судьи, магистраты и политики часто действовали, повинаясь лишь своим желаниям, и хитрая лиса Генриетта Фислдаун держала в своих руках завязки их кошельков. И она правильно выбрала преемницу. Гортензия – это сила, с которой нельзя не считаться. Генриетта знала, что делала. Ее смерть казалась удачным временем для нанесения смертельного удара по игорному притону. Старуха была чертовски ловка и осторожна. Всякий раз, когда Рамзи считал, что уже почти покончил с ней, она дергала за ниточку одной из своих могущественных марионеток и выходила сухой из воды. Иногда даже казалось, что почти все высшее общество ей покровительствовало.

И если уж честно... Наверное, Рамзи было бы легче справиться с воинственными афганскими вождями и берберскими пиратами в Алжире, чем с Генриеттой. Именно поэтому он испытал облегчение, получив известие о ее смерти.

Гадюка лишилась головы, и можно было надеяться, что теперь девочек станет пропадать меньше.

Однако же... Узнав об исчезновении Катерины Милович уже *после* смерти Генриетты, Рамзи понял, что должен действовать без промедления. Получалось, что гадюка в могиле, а похищения продолжаются! И даже сегодня ему ничего не удалось добиться. Почему? Вероятно, в этом заведении знали заранее о его планах. И поэтому успели подготовиться. В результате там оказалось пусто. Констебли побывали и на нижнем этаже, где все, как ни странно, действительно походило на классные комнаты.

Суровый дворецкий по имени Уинстон следовал за Рамзи и его констеблями по всему нижнему этажу, настоятельно требуя, чтобы его обитательниц оставили в покое. Женщины же, сидевшие там за столами, вовсе не являлись блестящими бабочками. Рамзи лично убедился в том, что некоторые из них были беженками с нелегкой судьбой. И даже не все они говорили по-английски.

И не было ни малейших оснований употребить власть. Ни малейших нарушений закона. Однако же... Кого они решили обмануть?!

Наконец экипаж остановился, но Рамзи вышел не сразу. «Почему она? – спрашивал он себя. – И почему именно сейчас?» Ведь ему столько лет удавалось сдерживать себя. А теперь... Проклятие!

– Да еще и Сесилия Тиг... – пробормотал Рамзи со вздохом.

Он не видел ее уже три месяца, но эта миловидная женщина продолжала жить в его мыслях. Заседая в суде, Рамзи то и дело вспоминал, как она облизывала пальчики, которыми брала шоколад. На дебатах в палате лордов, когда все кричали и оскорбляли друг друга, он думал об этой нежной и мудрой женщине.

Но почему он так часто думал о мисс Тиг? Боже правый, ведь он едва знает эту женщину! К тому же она совершенно неподходящая компания для судьи высокого суда. Мисс Тиг получила университетское образование? Имеет собственное независимое мнение? Да, конечно. И еще она мила и приятна в общении, хотя и не слишком скромна. И склонна потакать своим слабостям. Такая женщина могла бы быть алкоголичкой или обладать внушительным списком других пороков.

Что же до ее внешности, то внешность часто бывает обманчива. Мать Рамзи выглядела трогательно невинной, а жила так, что могла дать сто очков вперед любой вавилонской блуднице.

Или Леди в красном.

Проклятие! Они могли быть подругами – Гвендолин Атертон и Генриетта Фислдаун.

А еще была Матильда, последняя женщина, которой Рамзи был склонен доверять. И что получилось? Он сильно сжал двумя пальцами переносицу. В затылке зародилась боль и стала быстро усиливаться, разливаясь по всей голове.

Хотя... У Сесилии нет коварства и лживости, которыми горели глаза его матери. Нет и аристократических манер и неискренности Матильды.

Она бесконечно очаровательна: мягкая, привлекательная, естественная.

А может...

– Лорд Рамзи...

Судья вздрогнул и повернулся на голос. Лакей распахнул дверцу экипажа и ждал, переминаясь с ноги на ногу.

– Мы прибыли, милорд. Лорд-канцлер ожидает вас в кабинете.

– Хорошо. – Рамзи выбросил из головы все мысли о мисс Тиг и выбрался из экипажа. После чего взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Но по-прежнему думал о своей новой противнице: следовало составить план действий.

Итак, Леди в красном не гидра, у которой на месте отрубленной головы вырастают две новые. Она непременно будет побеждена. И сделать это должен именно он, Рамзи. Только тогда он сможет получить место лорда-канцлера.

Не исключено, что нынешний лорд-канцлер был прав, когда советовал подумать о женитьбе. Возможно, ему действительно нужна добропорядочная молодая женщина – мать его будущих детей. Такой брак добавил бы ему респектабельности и...

Рамзи поморщился при этой мысли. Он вообще не собирался жениться. А после последнего неприятного опыта ему даже думать не хотелось о новой любовнице.

И следовательно, решил жить так, как всегда: будет работать до изнеможения, а потом...

И тут Рамзи вдруг понял: даже рухнув на кровать в конце долгого дня, он обязательно увидит во сне те самые алые губы.

Глава 5

– Не могу поверить, что ты пригласила его на ужин! – Шепот Сесилии превратился бы в крик, если бы у нее внезапно не перехватило горло: секундой ранее дворецкий объявил о приходе лорда Рамзи.

Сесилия едва успела затащить Рыжих проказниц в личную гостиную Александры, когда в начале коридора появилась огромная фигура судьи. Но она по-прежнему держала Александру за руку, тщетно стараясь унять дрожь. Герцогиня же с удивлением взглянула на подругу.

– Сесил, что с тобой? Я никогда не видела тебя такой?..

Франческа, стоявшая у двери, чуть приоткрыла ее и выглянула в щелку. После чего с улыбкой сказала:

– Алекс, разве ты забыла, что твой родственничек желает повесить нашу бедную подругу на площади? Полагаю, все дело в этом.

Александра пожала плечами:

– В свою защиту я могу сказать только одно: все приглашения были разосланы загодя.

– Ты могла бы предупредить меня о том, что он будет здесь, – пробормотала Сесилия.

Герцогиня Редмейн тяжело вздохнула.

– Но дорогая, ведь еще пять минут назад я не знала, что это необходимо. И ты знаешь, что он теперь – мой родственник. Если бы мне вздумалось отозвать приглашение, это выглядело бы подозрительно. Ты так не думаешь?

– Я слишком расстроена, чтобы думать, – простонала Сесилия и принялась мерить шагами комнату. Она понимала, что ведет себя как истеричка, но события этого дня лишили ее привычного самообладания, и ей надо было почувствовать себя в безопасности в компании подруг. Сегодня она полностью исчерпала дневную норму спокойствия и уверенности в себе, и ей захотелось положиться на коллективный разум Рыжих проказниц, хотелось использовать вечер для обсуждения самых насущных проблем и принятия некоторых решений.

А теперь получилось, что волк снова у дверей. И если он ее узнает... Никто не в силах предположить, как он себя поведет.

– Что они сейчас делают? – спросила Сесилия. Франческа продолжала смотреть в щелку двери.

– Приветствуют друг друга, как это принято у мужчин. – Франческа фыркнула и захлопнула дверь, прищемив при этом свою пышную красную юбку. – Пожимают руки, хлопают друг друга по спинам и, вероятно, сравнивают родословные своих коней. – Она высвободила юбку и поправила свои кудряшки, аккуратно уложенные в прическу. – Знаете, я хочу присоединиться к ним.

– Мы все должны присоединиться к ним, – заявила Александра.

– Я не смогу смотреть ему в глаза, – пискнула Сесилия, и у нее подкосились колени. Она рухнула в бархатное кресло, утонув в озере пышных голубых юбок. – Если он меня узнает, можете готовить для меня веревку.

Александра положила руку на плечо подруги.

– Тебе лучше встретиться с ним здесь, в доме Редмейна. Если он тебя узнает, нам будет легче тебя защитить. – Герцогиня подошла к буфету и достала хрустальный графин с виски и три стакана. Налив по щедрой порции, она подала один из стаканов Сесилии. А та пробурчала:

– Не думаю, что Редмейн сможет защитить меня от своего старшего брата.

– Защитит, если я его попрошу, – заявила Александра. – Но нам стоит и самим кое о чем подумать.

– Согласна, – кивнула Франческа. Она достала из буфета тарелку с шоколадками и протянула Сесилии. – Но сначала подкрепи свои силы. Это очень хорошая закуска для виски, которая к тому же поможет тебе сосредоточиться.

Сесилия кивнула и взяла с тарелки любимое лакомство, вонзив в шоколад зубы, зажмурилась от удовольствия.

– Я люблю тебя, – прошептала она, стараясь не думать о том вечере, когда ела такой же шоколад, сидя рядом с лордом Рамзи.

– Я тоже люблю тебя, дорогая, – отозвалась Франческа.

– Я говорила шоколаду, – пояснила Сесилия.

Графиня же стянула с руки перчатку и бросила ее в подругу, угодив ей в плечо. Все трое рассмеялись.

Глядя на подруг, Сесилия мысленно улыбалась. Между ними давно уже сложились самые близкие отношения, и она любила своих подруг всем сердцем.

Франческа стала Фрэнком, энергичной бесстрашной женщиной с тонкой мальчишеской фигурой, с изящными, как у эльфа, чертами лица и изумрудно-зелеными глазами.

Александра, она же Алекс, – неисправимая идеалистка, имевшая больше блестящих идей, чем веснушек на лице, которых тоже было немало. Обладавшая роскошной рыжеватой гривой каштанового оттенка и безупречными пропорциями, она являлась самой красивой из троицы.

А Сесилия, она же Сесил, была хранительницей ценностей и примирителем. Она отлично разбиралась в цифрах, но во всем остальном была безнадежна.

Только в этой компании Сесилия чувствовала себя в полной безопасности.

Александра вновь наполнила стакан Сесилии и заявила:

– Мне бы очень хотелось встретиться с твоей новой подопечной. Кажется, ее зовут Феба, верно?

– А я бы не отказалась взглянуть на школу для культурных молодых леди, – добавила Франческа. – Интересно, что ты намерена со всем этим делать?

– В том-то вопрос... – пробормотала Сесилия. Она пристально смотрела в свой стакан, словно искала ответ в его хрустальном дне. – Я, разумеется, позабочусь о девочке. Она, как и любой ребенок, заслуживает ласки и любви. Кроме того, я обязательно дам ей образование. И мне необходимо выяснить, кто ее отец, хотя бы для того, чтобы защитить ее от него. Если же говорить о коммерции, то я понятия не имею, что со всем этим делать.

– Ты можешь продать заведение за кругленькую сумму, – предложила Александра.

– Могла бы. Но нельзя забывать об убийстве Генриетты. Конечно, я даже не была с ней знакома, но она – моя родня. И она очень много для меня делала, ничего не требуя взамен, кроме одного письма в месяц. Я должна быть уверена, что ее душа покоится с миром. А убийца должен быть найден.

– Но ее тайны... Это очень опасно. – Франческа нахмурилась. – Я не уверена, что игра стоит свеч.

Сесилия надолго задумалась. Простого решения, похоже, действительно не было.

– Интересно, а эти секреты могут быть связаны с Фебой? – спросила Александра. – Или с маленькими девочками, в пропаже которых лорд Рамзи обвинил Генриетту... то есть тебя... то есть Леди в красном.

– Все может быть. – Сесилия вздохнула. – Одно, другое или третье... Я знаю, что она опасалась так называемого Кровавого совета. Вы когда-нибудь слышали о нем?

Франческа промолчала, однако нахмурилась.

– Похоже, ты что-то об этом знаешь, Фрэнк, – сказала Сесилия.

– Я слышала, но... очень давно. – Франческа еще больше помрачнела.

– Давно? Это случилось... когда убили твою семью? – прошептала Александра. – Знаешь, Фрэнк, возможно, этот Кровавый совет как-то связан с организованной преступностью в Лондоне, убийством всех Кавендишей и их домашней челяди, а также тетушки Сесилии.

Франческа со вздохом пожала плечами и, немного помолчав, тихо сказала:

– Разумеется, все возможно, но это значит, Сесил, что опасность с этой стороны намного серьезнее, чем со стороны лорда Рамзи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.